

Егор Иванов

Все работы хороши

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Иванов

Все работы хороши

<https://litres.ru/74052278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой книги не знает что делать и куда податься в этом безумном мире. А здесь еще и случается непредвиденное событие, которое ставит под угрозу его дальнейшую судьбу, и ему приходится бежать. Благо рядом находится одна сумасшедшая, которая буквально хватает его за шиворот и отправляет в безумное путешествие за смыслом жизни.

В какой-то момент в историю вплетается мистика и жизни персонажей балансируют на самом краю.

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1	9
Глава 2.	10
Глава 3.	17
Глава 4.	24
Глава 6 еще раз	38
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	71
Глава 12.	87
Глава 13	96
Глава 14	106
Глава 15	113
Глава 16	125
Глава 17	134
Глава 18 Еще раз.	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Егор Иванов

Все работы хороши

План 5 – 9.

Начал писать. 10, наверное, сентября. Ушло 4 месяца.

Закончил 7.12.2021

Начало редактуры 04.03.2022

Конец редактуры 05.04.2022

Предисловие.

Здравствуй, читатель! Не спеши закрывать эту книгу, послушай. Я, как и ты, люблю читать, но так случается, что иногда читать бывает страшно. Так происходит особенно у русских классиков. Толстенный кирпич на полке книжного магазина, наводит ужас, а когда начинаешь читать, может случиться настоящая панка.

Вы собираетесь отдохнуть, почитать, расслабиться, открываете книжицу, а там понеслось: ОН БЕЖАЛ ПО ПЛУИЦЕ ОТ СОБАК ГРАФА АГАПОВА, А АГАПОВ БЕЖАЛ ЗА СОБАКАМИ И ВСКИДЫВАЛ ЗАРЯЖЕННОЕ РУЖЬЁ.

Какой граф, какие собаки, куда они все бегут? Кто такой он? Решительно ничего не понятно. Первая струнца книги, прямо как обухом по голове. Я же хочу сделать так, чтобы вам, дорогие мои читатели, было приятно, комфортно и интересно. Если бы я начал книгу, я бы начал так: вот знакомьтесь, это Дима Исков. Вот видите, уже не так страшно, когда вы знаете Диму, да и Диме не так страшно, когда в него начинают пялиться не сразу, а после того, как узнают его фамилию.

Еще одна вещь, которая пугает лично меня, это то, что с первых же страниц авторы начинают вводить персонажа за персонажем.

Федр Степанович сидел у окна и глядел на белое поле,

по которому ехал поезд, в поезде было четыре человека: отставной поручик Лебязьев, который был хромым и слепой на один глаз, две графини Красновы, которые ехали с похорон своего дедушки Петра Алексеевича, и некто, который пожелал остаться неизвестным и не представился, но имел непосредственное отношение к дому 48 на улице Ленина.

В одном абзаце перечислена половина населения Китая, мы не знаем кто эти люди, должны ли мы за ними следить, не понятно, нужно ли их всех запоминать или не нужно. А может быть это просто поезд и автору захотелось назвать пассажиров по именам, но нет, мы же знаем, что это классическая литература и каждый персонаж здесь на своем месте, вот и приходится ломать голову и запоминать... или не запоминать...

Нет бы спокойно рассказать только о том персонаже, о котором нам знать надо. Возьмем, к примеру, того самого Диму Искова. Исполнительный молодой человек, никогда не опаздывает на работу (иногда бывает, но я, как автор, не мог не прикрыть его). Иногда Диме задерживают зарплату, иногда выписывают штрафы, но всё это ничего, материальное, за материальное ему не хочется бороться.

Дима, пока еще неосознанно, попадает в очень опасное состояние, внутри него уже проросло зерно и совсем скоро появятся первые веточки, а за ними и плоды. Дима не доволен жизнью, он не любит то, чем занимается, но он пока об этом не знает и давайте сделаем вид, что это секрет, и я вам об

этом ничего не говорил. Вот так бы начал свою книгу я.

Ну и последнее, о чем хочется сказать – это то, что авторы дают большое количество пространных описаний. Да, описание дуба на страницу – это конечно очень весело, и я бы позавидовал такому мастерству слова, ведь для меня дуб описывается вот так: дерево с листьями; а нет, извините вот так: большое дерево с листьями. Еще бывает описания одежды точное описание чуть ли не до каждой пуговицы, а еще, от чего-то, персонажи всех книг постоянно носят фланелевые штаны. Простите мне мое невежество, но что это такое, фланелевые штаны? Под конец описания калош ты забываешь о каком человеке идет речь, пытаешься перелистывать назад, понять, что к чему, но на предыдущей странице описание дуба, и начинает казаться, что это дуб во фланелевых штанах и калошах.

Простите, что я дергаю этого бедного Диму Искова, но я бы описал его как молодого парня среднего телосложения со светлыми волосами и добрым, открытым лицом. Всё. А что еще нужно? Хотите фланелевые штаны? Пожалуйста, ведь писательство – это не очень объективная работа, писатель представляет одно, пишет второе, а в голове у читателя возникает третье. Поэтому на много важнее не то, чтобы я описал каждую морщину Димы, а то, чтобы я описал ощущение, которое вызывает Дима. Поэтому светлые волосы и доброе открытое лицо.

И вы уже представили человека, который смотрит на вас

и улыбается. Он жмет вашу руку, крепко, и вы чувствуете, что он рад знакомству с вами и вы рады знакомству с ним. Бывают такие люди, которые вызывают расположение к себе с первого взгляда, вам повезло, Дима из таких, но он не из тех, кто пытается подлизаться и притворится, нет, он действительно рад вас видеть, потому что вы, как и он, хороший человек.

Вот так бы, не навязчиво я бы начал свое повествование, чтобы читателю было комфортно, потом бы я написал

Глава 1

и там бы уже и началось какое-то повествование. Моя главная цель, чтобы читателю было комфортно, чтобы он не почувствовал вот этого резкого перехода от реального мира в мир моей вымышленной истории.

Кстати, именно так всё сейчас и произошло. Именно про Диму будет моя история, а вы, незаметно для себя, уже читаете первую главу. Я не брошу вас, дорогие мои читатели, всю книгу я буду рядом с вами, не оставлю вас в беде, и в те моменты, когда вы будете в смятении, я приду на помощь, да и вообще я буду появляться на этих страницах довольно часто.

Ну что ж, без страха и упрека, под торжественный звон меди и грохот барабанов мы вступаем во вторую главу нашей истории! Вперед читатель, смело переворачивай страницы и ничего не бойся, я с тобой!

Глава 2.

Дима стоял на финише марафона, вокруг него было еще несколько человек, все они пришли сюда не потому, что любили бегать, наоборот, бегать они не любили, именно поэтому и стояли, бежали другие. 132 человека, марафонщики, марафонисты... бегуны.

И были они все одинаковые, кто бежал в хвосте мог быть даже немного в теле, кто бежал посередине был плечистым парнем или прессистой девочкой, а вот те, кто бежали в голове колонны были худющие, как смерть и маленькие, как смерть, которая в детстве курила. Это были профессиональные марафонцы, вот с такими ногами. Они бежали уже не для себя, не просто ради того, чтобы пробежать, а для того, чтобы прийти первым.

Люди на финише собрались не потому, что любили смотреть как потные мужчины и женщины пробегают мимо них и падают без сил, а потому что в самой голове колонны бегущих был дедушка. Ему было 60 лет. Конечно, за ним ехала скорая, на всякий случай, но бежал он дай бог каждому так бегать.

Этот дедушка прославился еще до начала забега, он просто бегал по городу, в таких синих бАтиных трениках с вытянутыми коленками, спортивной куртке Адидас и старой шапке. Бегал он по парку, никого не трогал, а потом люди

стали замечать, что бегаёт он много, регулярно и каждый день. Ну и начали с ним фотографироваться, выкладывать в сеть, и бегающий дедушка, или, как его называли ласково, бегудед, стал настоящей легендой и небольшой достопримечательностью.

После того как дедушка стал знаменитым, он даже и не думал останавливаться. (Здесь сейчас смешно, потому что слово останавливается используется в прямом смысле – прекратить движение, и в переносном – прекратить тренировки). Бегудед продолжал заниматься, и фанаты его в этом только подстегивали. Он был не глупым и понимал, что для того, чтобы не учахнуть, у человека должна быть цель. Вот он и поставил себе цель пробежать марафон и сделать это хорошо.

Он заморачивался просто по полной. Рассчитал себе рацион, купил обувь, одежду, но не так, как это бывает обычно, когда ты покупаешь кроссовки, и твои пробежки заканчиваются ровно в тот момент, когда кассир выдает чек, нет-нет. Он высчитал нагрузки на суставы, все продумал, разговаривал с врачами и в итоге бегал так, чтобы было максимально безопасно, а это, (поверьте мне, человеку, у которого от бега болит колено) не так-то и просто.

Бегудед тренировался, не безумно несясь вперед, нет, он понимал, что возраст у него почтенный и делать все надо с умом и осторожностью. Но он горел своей мечтой, он грезил тем, что пробежит марафон первым. К нему приезжали лю-

ди за советом, если уж он, в свои 60 лет не боится идти за мечтой, то, как поступать им. Люди хотели зарядиться уверенностью в себе, перестать бояться жизни и перестать бояться движения вперед, поэтому и спрашивали у него, как же жить и что делать, на что бегудед отвечал: «Дорогу осилит идущий. - А потом добавлял, - мною движет мечта и ничто меня не остановит, - потом он молчал, внимательно смотрел на вопрошающего, и добавлял еще, - кроме смерти».

И действовало. Если бы я сказал вам «дорогу осилит идущий» вы бы ответили «ну-ну» и пошли дальше по своим делам. Но когда вам этого говорит человек, который в свои 60 лет решил пробежать марафон – это совсем другое дело. Такие простые слова действительно вдохновляли, они заряжали и люди правда двигались вперед. Кто-то начинал менять себя, кто-то начинал работать над отношениями, кто-то бросал все и уезжал, а кто-то начинал бегать.

И вот, в один прекрасный момент бегудед, любимец толпы, побежал свой марафон. Готовился он к нему долго, два года, тогда ему еще не было 60, но через два года, как вы понимаете, стало. Много пота, тяжелые, многочасовые тренировки, особенно для взрослого организма, жесткий режим питания, все витамины высчитаны до грамма, нельзя позволить себе ничего лишнего, ничего сладкого или излишне соленого, и строгий режим сна.

А бежать марафон – это занятие на самое простое. Тяжелатлет напрягся один раз, пожал 300 килограммов и сидит

спокойно на лавочке, а бегуну нужно бежать на протяжении трех, четырех 5 или даже 8 часов в зависимости от того, какой у вас уровень подготовки, и в каком темпе вы бежите.

Это изнуряющая нагрузка. Она продолжается и продолжают, снова и снова, нога за ногой, километр за километром. Солнце начинает палить, жара усиливается, хочется холодной воды и посидеть в тенечке, но нужно бежать, и бегун продолжает. Шаг за шагом. Километр за километром. Мышцы перестают слушаться, и какой-то тихий искупительный голос шепчет: «А может сойдем? Тебе же за это ничего не будет». И с каждым шагом этот голос все громче и громче, он уговаривает на разные лады, предлагает разные разности, заманивает остановиться так, как только может, но бегуну нельзя сдаваться, никто кроме него к финишу не придет.

А голос тем временем горячится и становится злее, может даже начать обзывать. Тело теряет силы, переставлять ноги становится сложнее, но вместе с тем вырабатывается привычка. Пробежал уже далеко. Если я преодолел так много, то почему бы мне не дойти до финиша?

В какой-то момент голос отключается, мышление отключается, все отключается, будто бы организм пытается спасти себя от гибели и экономит энергию. Голова пуста. Нет никаких мыслей, только изнуренное тело, которое продолжает двигаться вперед.

Бегудед мечтал пробежать, хотя бы просто пробежать, но, если получится, он конечно бы поборолся за первое место

и шансы были. Он бежал во главе колонны, в самой главе. Он уже утомился, седые волосы пропитались потом, но он всё равно бежал вперед. Рядом, очень тихонечко, следовала скорая; не для него, для все остальных тоже, но на самом деле боялись именно за него.

Тут какой-то парень пошел на обгон. Бегудет только сейчас пришел в себя и понял, что до финиша остаются считанные километры. Он продолжал бежать, хотел было поддать, но понял, что не сможет, попросту не хватит сил. Что ж, хотя бы просто дойти до финиша, хотя бы добежать. Это тоже хорошо, но как же хотелось прийти первым, как бы хотелось, мечта... ну ничего, может быть еще получится.

Бегудед немного расстроился, еще больше расстроились те, кто стоял на финише и смотрел за всем этим по телевизору. Кто-то даже хотел сделать вылазку и похитить того парня, который вырвался вперед.

Бегудед бежал, все в том же темпе, ни быстрее, ни медленно, а вот тот парень, после того как прибавил, сдулся. Медленно, сантиметр за сантиметром, если не за миллиметром, бегудет догонял парнишку. Парнишка действительно пыжился, но рывок отнял у него все силы, и он понимал, что его догоняют. До финиша оставалось совсем немного, у парнишки были шансы, но твердая уверенная походка бегудеда сначала сравнялась, потом опередила на один сантиметр, потом на два и этого хватило, чтобы прийти первым.

Люди ликовали. Все кричали, открывали шампанское и

его пенные струи летели в небеса, летели конфетти, дудели разные дудки, а бегудед стоял без сил, довольный, но безумно счастливый. Ведь он сделал то, к чему шел последние годы.

Ему вручили награду и дали микрофон, он понял, что от него ждут речи и начал:

- Говорить я не умею. Спасибо, что поддержали, ваша поддержка мне была очень важна, - толпа загудела, - желаю вам всем, чтобы у вас была ваша мечта, чтобы вы горели, как сказать, ну чтобы страсть была, и чтобы делали то, что вас так вот зажигает там или двигает. Вот. Спасибо.

Дима Исков, нет я не забыл про него, стоял в толпе. Ему было интересно посмотреть на этого сверхмотивированного деда и узнать, прибежит ли он к финишу или нет. Общее ликование вызывало в Диме сладкое чувство прикосновения к мечте, будто бы он вот так же, как этот самый человек, хотел достичь мечты всеми силами, каждой клеточкой своей души.

Дима стоял и улыбался, он чувствовал, как же это прекрасно, когда внутри разгорается огонь, когда ты видишь цель и ни за что от неё не отступишься, когда в твоей груди буря и она толкает тебя вперед и только вперед сквозь стены, горы, воду и медные трубы. Все нипочем, любая преграда щепки, когда есть страсть, есть мечта, есть то любимое дело, которое не дает покоя, которое не дает спать по ночам. Дима был счастлив вместе со всеми. Он наслаждался этим ошуще-

нием, оно было величественно, благородно и прекрасно.

Глава 3.

После того, как Дима прочувствовал на себе общую эйфорию и единение с человеком, который горит своим делом, ему было вдвойне сложно возвращаться в свой обыденный мир. Как было хорошо там, на финише. Есть такая штука, если я не ошибаюсь она называется зеркальные нейроны, они отвечают за то, что мы перенимаем на себя поведение другого человека. Так вот, когда люди смотрели на бегудеда, они не просто глазели, они подсознательно ощущали себя на его месте, будто бы это они стремились к финишу несколько лет, будто бы это они старались, будто бы это ими двигал нескончаемый внутренний огонь, и будто бы это они пришли к финишу первыми.

Дима вернулся на своё рабочее место, огляделся и тяжело вздохнул. Здесь не было вызовов, не было и огня в груди, не было здесь ярких красок, никто за Диму не болел, да всем, на самом то деле, было плевать, чем он занимается, главное приходиться на рабочее место и сидеть. Громко разговаривать не стоит, а то можно стать заметным, вообще лучше не разговаривать, пока не спросят, здесь такого не любит.

Необходимость в решении творческих задач отпала сама собой многие годы назад. Просто делай, повторяй одно и то же изо дня в день. Машинально, как робот, будто бы ты биологическая машина, которая делает одно и то же, одно и то

же. Вспоминается Оруэл. Не думай, не желай, не мечтай. Такое ощущение, будто бы это все было сделано специально: ну нельзя, просто невозможно выстроить процесс уничтожения человеческой души так идеально. Если бы двадцать институтов потратили десятки лет жизни своих виднейших профессоров на это, то у них не получилось бы так хорошо, а когда весь офис утопает сам в себе, делать ничего и не нужно.

Дима даже любил свою работу... когда-то давно. Потом любить перестал, потом она начала ему не нравится, потом он начал её ненавидеть, а потом все чувства пропали. Он машинально каждый день просыпался в одно и то же время и шел в одно и то же место, делать одни и те же действия, разговаривать с одними и теми же людьми. Он перестал как-либо относиться к самому процессу.

Но в груди Димы запустился другой механизм, механизм гниения. Ничто не может сохранять свежесть и работоспособность в условиях постоянной стагнации. Застой провоцирует затхлый запах. Застой не сулит ничего хорошего, особенно застой в человеческой душе.

Дима медленно гнил. Кто-то может сказать, что это кризис среднего возраста, да, может быть и так, но я могу сказать, что это постепенно нарастающее недовольство жизнью и собой. Это чувство, которое всегда внутри, от него нельзя убежать или спрятаться. Наверное, это депрессия, я не врач.

Дима чувствовал, как воображаемые веревки оплели его грудь многими рядами от шеи до живота, и начали стягивать-

ся. Это тяжелое тянущее ощущение преследовало его всюду, и чем больше проходило времени, тем сильнее оно становилось. «На что я трачу свою жизнь?» - этот вопрос Дима задавал себе чаще всяких других вопросов и не мог найти ответа. Если раньше у него были какие-то стремления, желания, ему нравилось играть на гитаре, и он думал записаться на секцию по шахматам, то теперь ему ничего не хотелось, он потерял интерес к самому себе, к своему счастливому будущему.

Дима осознавал всю бессмысленность происходящего, он понимал, что никто в зале не слушал ничего, а если кто-то говорил, он не старался быть услышанным и всё равно это серая жвачка продолжалась, люди играли роли, вернее не так, они становились на место и читали по бумажке. Все понимали, все всё прекрасно знали, и никто не хотел ничего изменить, все давали свое молчаливое согласие на то, чтобы их жизнь стекала медленно и бессмысленно в совершенно неопределенном направлении.

Единственным разнообразием для Димы был его начальник. Диме показалось, что он невзлюбил его с самого первого дня, хотя, может он так относился ко всем сотрудникам. Первое время он делал Диме едкие замечания по поводу его мыслей и высказываний:

- У нас не принято рассуждать о устройстве общества, молодой человек, - говорил начальник. Начальника, к слову, звали Герман Андреевич Чернов.

Этот Герман Андреевич был маленьким человечком, ко-

торый быстро перебирал своими коротенькими ножками. Он много сопел, по всякому поводу, сопение было его сигнализацией, если Герман Андреевич сопит, значит кто-то сделал что-то не так. В подавляющем большинстве случаев, сам Герман Андреевич делал что-то не так и начинал сопеть только для того, чтобы скинуть свою вину на сотрудников.

Первое время он не просто делал замечания, он показывал на какие темы говорить можно, а на какие нельзя. Все его запреты были сформулированы как: «У нас не принято рассуждать...» и дальше любая тема. Герману Андреевичу даже нравились сами темы для разговора, ему не нравилось, что кто-то позволяет себе мыслить.

Все темы уже давно изучены, нераскрытых тайн не осталось, все мнения уже высказаны, поэтому не нужно придумывать велосипед, не нужно рассуждать, бери что дают и все, никакие рассуждения не нужны. Ведь что может на рассуждать обычный человек? Да ничего, ничего он не может, его кругозор слишком узок и замыкается на размерах спичечной коробки, а вот профессора, они да, они знают, они молодцы, поэтому их надо слушать.

Теория достаточно неплохая и даже в чем-то стройная, но в реализации этой теории был один существенный недостаток, Герман Андреевич сам ничего не читал и не узнавал. Никаких академиков он не смотрел и всё это ему было вообще не нужно.

Он закрылся в своем маленьком мирке, основой которого

служили выхваченные из случайных книг знания, пара тройка фильмов и, о боже, эзотерика! Вот и всё. Из-за своего ограниченного мышления, скудоумия и мистицизма, он насаждал ограниченное мышление и скудоумие другим людям. Когда кто-то начинал рассуждать, Чернову становилось плохо, ведь этот кто-то может выставить себя самым умным в этой организации, а это не порядок, самым умным должен быть директор.

Это очевидно, рыба гниет с головы, и то, как функционирует предприятие, целиком и полностью вина руководителя (или достижение). Именно поэтому предприятие Чернова существовало так, как существовало.

Последним оплотом сопротивления могли быть клиенты, но и они попадали под влияние директора и превращались в инертных, зомбированных человечков. Скорее всего это происходило из-за большого количества договоров актов и прочих бумажек. Герман Андреевич хорошо делал своё дело. Дима с ужасом представлял, что эти люди заражаются вирусом бессмысленности, идут назад на свои работы и распространяют его там. И вот еще одна организация погрязла в унынии и бесполезной и бессмысленной работе, а потом еще одна и еще, и так это состояние достигнет всех и все люди будут такими, без мечты и тяги к жизни.

Человека определяют его поступки. То, что человек делает, отчасти и является самим человеком. Дима каждый день думал о том, что он не хочет заниматься тем, чем занима-

ется, каждый день представлял, что от этого тошнотворного ощущения из него вот-вот выпрыгнет скелет и побежит, лишь бы не быть здесь.

Но он от чего-то сидел. Отчего-то он не уходил. Может быть это рабское сознание, а может быть психология толпы, если все сидят и ждут, то и я буду сидеть и ждать.

Когда Диме нужно было что-то сделать, в подавляющем большинстве случаев он заведомо понимал, что это действие не принесет никакого проку. Первое время он пытался возражать, указывать на очевидные недостатки, но из раза в раз в ответ он слышал одно и то же «делай», и он делал, зная, что его работа не имеет никакого смысла.

И действительно, через несколько дней оказывалось, что всё, от начала до конца, было не правильным, и что нужно было обратить внимание как раз на то, что сам Дима и думал. Он получал новое задание и приступал к его решению, и так раз за разом, круг замыкался. Где-то через месяц и десяток другой попыток, удача поворачивалась лицом, просто везло, и дело было сделано. Но это «сделано» происходило от случайности. Если посадить обезьяну за печатную машинку, она может напечатать Войну и мир, шанс крайне мал, но при достаточном количестве попыток это получится. Если торнадо пройдет по свалке, то он может собрать Боинг 747, но должно очень сильно повезти.

Задачи решались не потому, что он делал дело хорошо, а потому что рано или поздно должно повезти. И везло. Вот

только это не приносило никакого удовлетворения. Испытывать эйфорию можно, когда ты старался, трудился в поте лица и твои старания окупились блестящим результатом. Но когда ты просто плывёшь по течению, вокруг просто что-то происходит, и ты практически не имеешь к этому никакого отношения, сложно испытать радость.

Вот так и шли день за днем, неделя за неделей. Время проносилось в каком-то тумане неопределенности. Дима не мог сказать какой сегодня день, ему было все равно, Дима не знал, быстро или медленно идет время, в течении дня время вязко вываливалось из банки, а в конце месяца сложно было вспомнить, на что ушла частичка жизни. Туман, серый туман заволок жизнь Димы. Он стал инертным и не хотел ничего менять. Где-то в глубине души спал красивый, всемогущий титан, но на поверхности была безысходность. Дима понимал - нужно что-то делать, но не знал, что, не знал, как и из-за собственного незнания ничего не хотел.

Если бы кто-то, ну, например вы, читатель, спросили бы Диму: «Чего ты по-настоящему хочешь от жизни», он бы не смог ответить, и не потому, что он стеснялся, а потом что боялся задавать этот вопрос самому себе, ведь на него не было ответа. Сердце молчало, мечта ушла, остались только растерянность и неопределенность.

Глава 4.

Дима испытывал мимолетное облегчение, когда выходил на улицу, когда рабочий день подходил к концу, и его тело могло свободно перемещаться по городу. Вот сейчас можно жить, вот сейчас загуляем, каждый день надеялся он, но каждый день его сил хватало только на то, чтобы дойти до ближайшей пивнушки и выпить несколько бокалов пива и забыться.

Но пока он шел по улице мимо проходили люди. Мужчины и женщины, молодые, старые, все они куда-то брели и в каждом из них Дима видел один и тот же бессмысленный, рассеянный взгляд – взгляд в никуда. Рыбак рыбака видит из далека, так и Дима видел этих людей и понимал их. Сотни, тысячи, миллионы людей точно так же, как и он ходили не понятно зачем и не понятно куда. Каждый день они просыпались и шли туда, куда не хотели идти, и каждый день они могли всё изменить.

Какая бы ни была ситуация в жизни выход есть. Никто не говорит, что будет легко, менять жизнь чрезвычайно трудно, но сделать это возможно. Уйди, оторвись от земли, расправь крыльям, и лети, лети на свет, занимайся любимым делом, будь счастлив, но нет. Они шли. Шли по земле, хотя на самом деле ползали по своей жизни.

Дима смотрел на них и убеждался в безвыходности сво-

его положения и, отчасти, в его закономерности. Ведь если сотни тысяч людей, так же, как и он не знают как жить, не знают, чего они хотят от жизни, не знаю чем им заниматься, то, быть может, это естественное состояние организма, может быть так и должно быть, и может быть жить в гармонии с собой, мечтать и знать что ты хочешь – это отклонение. Видимо, так оно и было, ведь не могут миллионы ошибаться? Нет. Не могут.

Серые лица проходили мимо него, Дима видел в их глазах, видел, что они не задумываются ни о чем. Они просто проходят мимо и не осознают, что все они одинаковые, что все они бредут в бесконечной темноте без компаса. Они не знают правильного направления и никогда не найдут его. Дима поймал себя на мысли, что у него еще остались силы задумываться, может не всё потеряно?

Дима думал о том, чтобы найти в этой толпе хоть одного человека, который бы отличался, лицо которого сияло бы светом, он хотел увидеть жизнь хоть в чьих-то глаза, но он этого не видел. И не потому, что их не было, а потому, что он просто не замечал света вокруг.

Правда однажды он увидел лицо. Девушка, странная, кудрявая, она смотрела в окно метро, но не пустым взглядом, она то ли мечтала, то ли строила планы, в её позе и выражении лица чувствовалась осознанность, намерение, направление, в её глазах было видно биение пылающего сердца. Двери открылись, вошли люди, или она вышла, и Дима потерял

её из виду.

Нет, читатель, не верь ему, мой герой болен, просто будь с ним, не бросай больного, и тогда он поправится. Не все люди вокруг нас живут бессмысленную жизнь и не знают, чего хотят от жизни, нет не все, далеко не все. Просто, когда человек впадает в определенное состояния, начинает мыслить определенным образом, он притягивает то, что хочет. Даже в самом целеустремленном человеке затуманенный взгляд увидит серость. Нет, читатель, как бы ни было плохо и тяжело – все наладится. Есть в мире плохие люди, но есть и хорошие. Иногда компас сбивается, но момент обретения пути наступит, по крайней мере мне хочется в это верить. Почему верить? Потому что я не знаю, поправится ли Дима от своей болезни, но я надеюсь на это.

И хоть больше он никогда и нигде её не встречал, он её помнил. Не так, как помнят любовный образ, а так, как помнят клубнику в пакетике с вишней. Неожиданно. Как она там взялась? Кто её сюда положил? И почему она не такая как все?

Порой Дима думал, что у всех этих людей нет никакой цели, они идут из ниоткуда в никуда, просто бродят по городу, чтобы создать эффект толпы. Сначала в одну сторону, потом натыкаются на стену и идут назад. На улицах городов так много людей, но как часто вы видите откуда они появляются? Так быть может они этим и живут, бесцельно бродят из одного конца города в другой. Даже если и так, это, наверное,

даже лучше, чем 8 часов в день 5 дней в неделю смотреть в одну точку, в центре монитора. При таком маршруте есть хотя бы цель движения: сейчас я иду в один конец города, а когда дойду, пойду обратно. Вот и появилась какая-никакая цель, вот и уже не так плохо жить.

Дима думал, что было бы не плохо вклиниться в эту человеческую стаю, отдаться воле толпы и просто идти вперед, ведь потом может появиться стремление, цель вернуться назад. Но когда он отходил достаточно далеко от дома, ему становилось ясно, что он не хочет возвращаться.

Но как такое возможно? Ладно он, Дима Исков, не знает как жить, но вы! Люди! Вы! Все вы! Почему вы не можете ответить на этот вопрос? Почему вы не задумываетесь над ним? Почему? Никто другой не ответственен за вашу жизнь, только вы. Нужно поднять вот эти вот руки, и начать работать, если ничего не делать – ничего не будет. Но почему вы бездействуете? Почему вы не? И снова ответа не было, и снова не было решения и снова круг замыкался.

А если взять и вытолкнуть какого-нибудь человека из потока, что с ним произойдет? Он попытается что-то изменить, или тут же всё забудет и вернется в строй? Дима подошёл к прохожему и толкнул его. Прохожий окинул его равнодушным взглядом, отвернулся и двинулся дальше. Никакого эффекта. У него видимо дела по важнее, он идет сам не зная куда и зачем. А ведь мог поругаться, хотя, если честно, не так уж этого и хочется.

И только ближе к вечеру поток людей начинал спадать, а ночью можно было свободно дышать. Видимо они падали от усталости, Дима не верил, что они добираются до цели, они скорее всего идут, а потом просто падают на землю. А утром снова поднимаются, чтобы запустить толпу, запустить движение, бессмысленное и бесцельное.

У больных бывают периоды обострения и периоды спада. Во время облегчения симптомов Дима пытался вглядываться в лица, и как бы вопрошал, как жить дальше? В ответ он получал только это страшное слово, не знаю. Он перескакивал от лица к лицу, жадно искал в толпе, как заправский сыщик, но не видел ответа. Даже самое это «не знаю» было роскошью, чаще всего люди просто отводили глаза, в смущении и стеснении. Проще было уйти от этого вопроса, им было не приятно, что кто-то вообще осмелился завести с ними этот мысленный разговор.

Неужели они все работают у Чернов? Быть такого не может. Или... а как еще это объяснить? Быть может они работают на него не сейчас, а работали когда-то раньше? Тогда Герман Андреевич настоящий мультимиллиардер с гигантской корпорацией, в которую включена вся планета. Но нет, это было не так. Получается люди добиваются таких «успехов» самостоятельно.

- Вы курите? – спросил однажды человек на остановке у Димы и зажег сигарету.

- Нет. – Ответил Дима.

- Зря, - вставил человек, - помогает. Пять минут, несколько раз в день, вроде бы есть чем заняться. А потом все. Хорош, что есть чувство голода и желание курить, иначе в этом мире вообще было бы нечем заняться.

- Но от курения умирают.

- А вы хотите пожить подольше? – прохожий засмеялся, - то-то я смотрю на вас и вижу, что вам есть для чего жить. Возьмите. – Прохожий вложил в Димину руку пачку сигарет и пошел.

Они сразу угадали друг друга, такой же взгляд, такая же пустота в глазах, но Дима не закурил. Несмотря ни на что он хотел жить. Он смял пачку и бросил её в мусорный бак, в мыслях.

Это похоже на огромную тюрьму, где люди выходят только на прогулку. Решетка. Но кто? Кто тот негодяй, который эту решетку поставил? Кто этот подлец, который не дает людям найти себя? Кто этот мерзавец, который запрещает найти цель в жизни? Дима знал этого человека очень хорошо, лучше, чем кто бы то ни было, он знал этого человека, но не знал, что этот человек и есть причина всех бед. Только он один ответственен за всё. Ведь можно сваливать на других всё что угодно и сколько угодно – от этого ничего не изменится. Появится только лишнее оправдание. Гадкое, ленивое успокоение и оправдание бездействия.

Неужели они все такие же, как и я? Размышлял Дима. Выходит, что да. Ведь если бы они были другими, я бы увидел.

Её ведь я увидел? А они? Неужели она одна и других таких нет? Не может быть. Хотя, наверное, может.

Он похоронил себя довольно давно, он не верил в то, что от него осталось хоть маленькая искорка огня, Дима на сто процентов причислял себя к серой толпе, он думал, что он такой же, как и они и нет в его жизни никакого смысла и никакой цели.

Нет, Дима Исков, ты ошибаешься! Ты ошибаешься! В тебе еще остались искры, пусть это не яркое пламя мечты, но это и не холодный пепел смирения. Внутри, в твоей душе, еще горят угли, незаметно, спокойно, но они всё же дают тепло. Как бы там ни было, очень редко, но он мечтал, и мечтал он о том, что он сможет найти своё призвание, цель в жизни, поймет для чего он появился на свет, сможет понять своё предназначение, а главное будет получать удовольствие от того, чем занимается. Он будет каждый день вставать на работу без будильника, скорее завтракать и бежать, бежать делать великие дела, может делать счастливым себя, а может быть всё человечества.

Нет, Дима, не хорони себя, не наговаривай, не делай выводы раньше времени! Я, я тебя не оставлю, читатели, надеюсь тоже. Тебе предстоит сложный путь.

Глава 5

Еще раз

В очередной раз, сидя перед компьютером и глядя в одну точку, Диму пробило молнией мысль. «На что я трачу свою

жизнь?» Ведь жизнь человека конечна, дней в ней много, но это число ограничено и каждый час впустую потраченно-го времени — это час убитой жизни. На что я трачу свою жизнь? Разве этим я хочу заниматься? Разве этого я хотел в детстве и юности?

Дима закрывает глаза, и ему видится он, маленький шестилетний он.

- Ты в игрушки играешь? – спрашивает маленький Дима.
- Нет. – Отвечает большой.
- А из пластилина лепишь?
- И из пластилина не леплю.
- А космонавтом стал?
- Не стал.

Услышав это маленький Дима искренне огорчается как самый настоящий ребенок, его нижняя губа набухает, а плечики опускаются.

- Жаль, - со вздохом отвечает маленький Дима, - а я ведь всю жизнь мечтал стать космонавтом.

И от этих мыслей Диме становится горько, ведь он обманул не себя нынешнего, он обманул себя маленького, шестилетнего Димочку Искова. Если себя взрослого не жалко, то того мальчишку жалко, чем он заслужил, в чем он виноват? Он искренне мечтал стать космонавтом, а потом пришел взрослый Дима и все испортил.

- А кем ты стал? – спрашивает маленький Дима. В его детских глазах сверкнула надежда. Ведь если он не стал космо-

навтом, то, должно быть, он стал кем-то получше, пиратом, военным, полицейским, на худой конец водителем паровоза.

Дима видит эти детский сверкающие глазки, хочет сорвать, но не может, но правду говорить очень больно.

- Я стал никем, - отвечает Дима.

И теперь маленький Дима не просто грустит, а начинает плакать. Он сжимает маленькие кулачки, стискивает зубы, пытается сдерживать слезы, но у него не выходит, он еще слишком мал.

- Что я сделал не так? – говорит маленький Дима

- Всё так, ты всё сделал так. Это я, я, виноват, я один, прости, что я не пронес тебя через всю жизнь. Прости, Дима, прости, я исправлюсь, наверное, может быть... Дима, я виноват перед тобой, но, что я могу поделать эта взрослая жизнь она такая... Ты живешь, выживаешь, сводишь концы с концами, пытаешься заработать себе на хлеб и о великом, времени подумать совсем не остается. Эх, Димочка... я так виноват перед тобой...

На что я трачу свою жизнь? На что я трачу свою жизнь? Он задавал себе этот вопрос и не находил на него ответа. Разве этого я хочу? Разве этим я хочу заниматься? Нет? А может быть да? Самое ужасное, что я не знаю. Я совершенно не понимаю, чего я хочу от жизни, но ведь пока я этого не понимаю, она проходит мимо.

А ведь можно понимать, можно дышать полной грудью и понимать! Такие люди есть, по крайней мере Дима про та-

ких слышал. Есть один такой. Он рисует. Ходит по городу, появляется в разных местах то здесь, то там, выбирает дома покрасивее, или наоборот, поужаснее, становится и рисует. Перед ним стоит маленькая баночка, на всякий случай, вдруг кто-то захочет ему подкинуть монетку, он просто стоял и рисовал. Не знаю, делал ли он это каждый день, но делал он это довольно часто. В дождливую погоду с ним был зонт, который закрывал холст и его самого, а зимой с ним был термос с горячим чаем.

Что двигало этим человеком? Какой человек в здравом уме будет стоять в дождь и мороз и рисовать? Да никакой! А он стоял. Почему? Что заставляло его рисовать? Не ходить на работу, а рисовать? Сумасшествие? Помешательство?

Нет. Это что-то большее. Что-то в груди, светящийся белый шар, эта точка начала отсчета всего, начало отчета самой жизни. Пульсация вселенной, это бесконечная сила, которая заставляет изо дня в день вставать и заниматься любимым делом, идти вперед, преодолевать любые преграды. Не бояться трудностей и светить, светить, светить! Этот источник сил никогда не иссякает, этот источник всегда находится внутри человека, нужно просто выпустить его, и он начнет сиять. Наверное, эта сила и движет подобными людьми? Они не тратят свою жизнь в пустую, они проживают каждый миг, они влюблены в каждое мгновение своего существования, они никогда не насытятся жизнью им всегда будет её хватать, они всегда будут хотеть больше. Сумасшедшие лю-

ди, которые знают, чего хотят от жизни и знают к чему стремятся.

А что Дима? А Дима не понимает на что он тратит свою жизнь. На сидение на пятой точке, вот на что. Да, уж что-что, а лучшим в сидении он стал уже давно. Он пытался найти причины, по которым в жизни нужно что-то изменить, и не находил их. На каждую причину находилась контрпричина: нужны деньги платить за квартиру, покупать еду; перемены — это сложно, скорее всего не получится; я не знаю, как искать своё призвание.

Почему нас не учат этому в школе? Почему нет такого предмета: «Дело всей жизни» или «Мечта». Мам, у меня первым уроком Мечта всей жизни. На этом предмете детей учили бы тому, как находить призвание и определять какую профессию выбрать. Чтобы еще в школе каждый понимал: так, я получаю удовольствия от игры в гольф, поэтому посвящу свою жизни игре в гольф. Кто-то бы осмелился возразить, что ребенку 9 лет, и он не может знать наверняка. На это ребенок бы говорил, что Мария Ивановна так сказала, а если она сказала, значит буду. Здоров, если бы этому учили в школе. Но этому не учат не только в школе, даже в вузах этому не учат. Этому и в жизни не учат. А если не учат, значит нужно искать самому, пробовать, пытаться и ошибаться. Спотыкаться, подниматься и идти дальше.

Но это очень сложно.

Именно поэтому Дима этим не занимался. Сидеть на ме-

сте и угасать на много проще, чем бороться; на много легче сидеть, чем искать. Вот Дима сидел и мучался вопросом: «На что я трачу свою жизнь».

На всякую ерунду и на желание себя, Дима, вот на что ты тратишь свою жизнь.

Что я могу? Думал Дима. Я умею очень мало, чрезвычайно мало, как же мне устроиться, как же мне найти дело жизни, если я ничего не умею? Ведь на местах всей жизни, скорее всего работают исключительные профессионалы своего дела, а я? Что я? Я же не могу ничего. Как меня возьмут. Таких как я не берут на мечту всей жизни, поэтому... не получится.

Для того, чтобы делать то, что нравится, нужно уметь и знать кучу всего, плюс нужно иметь большую кучу денег, и только потом у тебя может быть получится, а по-другому и смысла в это соваться нет. А у Димы, как думал он, не было ничего. Никаких способностей и ни копейки денег для того, чтобы придумать себе какую-то там мечту и за ней следовать.

На что? На что я трачу свою жизнь! В этот раз Дима был возмущен, к его лицу подступила краска, он быстро переводил взгляд с монитора на клавиатуру, и не могу понять, какого черта здесь происходит, почему он все еще сидит здесь, ведь уже давно нужно было уйти и не делать этого. На что! На что я трачу свою жизнь! Отвечайте мне! Отвечайте! В его голове кружился гнев, он кричал, вопил, но только внутри своего сознания, с виду ничего не изменилось, он все так же

сидел на своем рабочем месте.

На что я трачу свою жизнь? Ведь всё это не имеет никакого смысла? Вед все это просто бесполезная трата времени, ни один здравомыслящий человек не стал бы заниматься этим, но вот он, Дима Исков, здравомыслящий человек, и он почему-то этим занимается, и все вокруг люди здравомыслящие.

В этот день было много монотонной работы. Она сильно измотала и измучила. Люди не высыпали на улицу, а сползли, как каша с ложки. Дима сделал несколько шагов и остановился. Он хотел просто постоять в тишине и покое, в том состоянии, когда ему не нужно ничего делать. И вдруг он заметил рядом с собой человека. Он тоже стояли и тоже смотрел в никуда.

- На что мы тратим свою жизнь? – спросил Дима. Но на самом деле он хотел спросить другое, он хотел спросить, на что он тратит свою бесценную, единственную жизнь, жизнь в которой дорого каждое мгновение.

- На деньги, - ответил собеседник, - мы меняем жизнь на деньги.

Диме стало тошно, а стоит ли оно того? Ведь можно быть счастливым, и чтобы при этом хватало на жизнь.

- Хреново. – Ответил Дима, чтобы поддержать разговор.

- Не то слово.

На что я трачу свою жизнь? На что? Можно долго задавать этот вопрос, но при этом ничего не делать. А если ничего не делать, то ничего не изменится. На что? На что я трачу свою

жизнь?

Чем чаще Дима повторял это, тем с большим осознанием приходил к тому, что дело не в этом. Ему нужен ответ на другой вопрос. На что я ХОЧУ тратить свою жизнь. На что я ГОТОВ тратить свою жизнь. И как сделать так, чтобы тратить свою жизнь именно на это? Ответа не было. Вот почему он снова и снова задавал себе этот вопрос, вот почему он спрашивал окружающих, вот почему он не находил себе места. Он прекрасно знал на что тратит свою жизнь, он не знал, на что он действительно хочет тратить свою жизнь, чем он хочет заниматься, каково его призвание, если хотите.

Есть люди более мудрые, более грамотные, которые уже пожилы, есть ли у них ответ на этот вопрос? Есть. У Димы даже был на примете один мудрый человек, у которого нужно спросить совета.

Глава 6 еще раз

Был у Димы Исакова один старый знакомый – его школьный учитель. Звали этого человека Михаил Тимофеевич Синицын. Синицын оставил в Диминой душе весомый след.

Бывают люди, рядом с которыми страшно находиться рядом. О Синицыне было страшно даже думать. Одним своим взглядом поверх очков он вызывал ужас, если бы он вел какие-нибудь курсы у людей по старше, то половина мужчин и женщин за 40 схватилась бы за сердце и упали на пол. Все скорые города приехали помогать. Глав врачи стали бы гадать, что там произошло, может быть это массовое самоубийство, а может это отравление, а может это еще что похуже. Но нет, это всего лишь Синицын.

Детям в этом плане везло, их организм был молод, свеж, еще не потрепан алкоголем, курением, тяжелой работой и постоянными ссорами с близкими (то есть жизнью) поэтому они стойко переносили любые, даже самые суровые взгляды. Под стойко я подразумеваю, что летальных исходов не было.

Михаил Тимофеевич был очень суровым преподавателем, суровым, как сама жизнь. Школьная система образования работает таким образом, что там нужно получать хорошие оценки, там не нужно знать, быть умным и сообразительным, там нужно получать пятерки, а это разные вещи. Синицын считал, что нужно знать и, если ты не знаешь, твоя судьба

предрешена. Ему было бесполезно дарить подарки, его было бесполезно упрашивать, с ним нельзя было договорить, сдружиться, даже самым любимым ученикам, скрепя сердцем (хотя я точно не уверен, что оно у него было) он ставил двойки.

Сурово, но безумно справедливо. На столько справедливо, что от этого становилось больно и начинало тошнить. Если ты не выучил – ты получишь двойку. Вот и всё. Так же бывает и в жизни, если ты сегодня не прочитал статью или книгу и не стал лучше, то завтра на твоё место придет тот, кто стал.

Не сказать, что эта суровая дисциплина заставлял всех заниматься, были иногда случаи, когда кто-то не делал домашнее задание и потом за это жестоко платил. Ситуации эти случались из-за обыкновенной детской безалаберности. Ну с каждым бывает, кто не забрасывал тетради и не бежал на речку? Такое бывало со всем. Но каждый раз, когда приходил день икс, по телу пробегала холодная дрожь. Ведь расплата обязательно настигнет, и она настигала. И было больно, страшно, но справедливо.

Кроме совей жестокой требовательности Михаил Тимофеевич отличался исключительным знанием своего предмета. Он был из тех, кто постоянно развивался в своей области, он был учителем литературы, очень много читал, знал наизусть очень много стихов, как классических, так и современных. Так как он был педагогом он постоянно изучал

новые педагогические веяния, теории и методики, старался их применять, но ничего лучше, чем: «не выучил - получай двойку» он не находил.

На занятиях Сеницына было действительно интересно, когда он рассказывал новую тему, ученики подавались вперед на стульях и с открытым ртом слушали его рассказ, Дима был в числе этих учеников. Он слушал, в его голове запускался мыслительный процесс, он начинал размышлять, приходил к новым выводам и открытиям. Тогда он узнал, что у литературного произведения нет как таковой единственной темы, и что каждый может увидеть что-то свое, то, что ему ближе на данный момент. Например, Мастер и Маргарита может быть произведением про любовь, а может быть произведением про муки творчества, может быть произведением про справедливость, а может быть про добро и зло.

Правда после теоретической части начиналась проверка домашнего задания. И да, это было больно. Но в какой-то маленькой частичке души, дети были готовы пойти на такие жертвы, ведь было правда интересно.

Иногда, когда материал урока был отдан до конца, Михаил Тимофеевич просто беседовал с учениками. Он мог менять маски, и переставал быть жестоким тираном-учителем, он становился добрым другом. Как только ему больше нечего не было нужно от детей, он мог разговаривать с ними свободно, легко, даже немного по-приятельски.

В такие моменты он рассуждал о жизни, философство-

вал, давал какие-то советы. Он делал это действительно искренне, ведь в жизни человеку придется пройти через много, через первую любовь, и через первые муки любви, через страх нового, после окончания школы, через смерть близких, и этому не учат в школе.

Дима никак не мог вспомнить, а говорил ли Михаил Тимофеевич что-то про призвание, как понять, чем хочешь заниматься по жизни? Гаврил, скорее всего говорил, такой мудрый человек не мог не говорить на эту тему, ведь он знает всё, а если не всё, то практически всё. Говорил, должен был говорить.

Дима пришел в родную школу, его встретила та же старенькая вахтерша, она сильно изменилась, поседела, в лицо врезались морщины, но она осталась всё той же полненькой и добродушной.

- Дима, привет, - сказала она.

Дима удивился, что она его помнила

- Здравствуйте, тетя Таня.

- А мы вот, теперь так, - она кивнула на свою одежду и развела руками. Теперь на входе школы сидели не вахтерши, а профессиональные охранники из местного ЧОПА. Тетя Таня сидела в голубой рубашечке с бейджиком, у неё даже были пустые погоны. Теперь в случае чего, она могла и сказать, что она из ЧОПА, а не просто бить незваных гостей мокрой тряпкой по лицу.

Тетя Таня с жаром спрашивала Диму о том, как он

устроился, Дим нехотя отвечал, а тетя Таня радовалась.

- Здорово, молодец какой, - говорила она, - работаешь сам, вот, да. А то Лешку помнишь, он с тобой в одном классе учился, Кармлев.

- Он учился на два класса старше меня.

- Ну вот. Так он все. Пьет, не работает, со старой матерью живет, на её пенсию. А ты молодец, молодец! Работаешь, да еще получаешь хорошо, это ты молодец, да.

- Тетя Таня, скажите, пожалуйста, а Михаил Тимофеевич еще работает.

Когда тетя Таня услышала это словосочетание она сложила пухлые ручки, лицо её приняло строгий вид, она выпрямила спинку, как самая настоящая аристократка и произнесла:

- Михаил Тимофеевич уже не работает. Он уволился 2 года назад. На пенсию вышел.

- А скажите, а как бы с ним связаться?

- А давай я тебе его телефон дам.

И она написала ему на бумажке номер телефона

- Спасибо, тетя Таня, очень рад был вас видеть.

- И я тебя, Дима, заходи по чаще!

Дима держал в руках телефон своего старого учителя и боялся. Звонить? Или не звонить? А что, если обматерит? Да и пусть, ведь в конце концов Дима перестал быть школьником очень давно. Он уже взрослый мужчина, чего ему бояться.

- Он позвонил:

- Здравствуйте, Михаил Тимофеевич?

- Да, - его голос изменился. Ослаб.

— Это я, Дима Исков, я у вас учился. Вот захотел позвонить узнать, как у вас дела.

- Димка? Ты? Димка? А ты сильно занят? Заходи ко мне, я тебя чаем угощу, Димка! Рад тебя слышать, зайдешь?

- Зайду.

Дима повесил трубку и скромно улыбнулся. Он был очень неожиданно и очень приятно удивлен.

В доме у Михаила Тимофеевича все было расставлено в лучшем порядке, они сидели на веранде, за столом и пили чай из большого чайника, сейчас такие сложно найти. Михаил Тимофеевич постарел. Дима с горечью это заметил. Когда ты видишь человека, хорошего человека, и тебе становится его жалко, ты думаешь, что он не заслуживать старения.

Дима повторил все то же самое, что рассказал тете Таня.

Михаил Тимофеевич сказа:

- А я вот, вышел уже на пенсию. Помню, когда вас учил еще были силы, а теперь вот, - он засмеялся, - постарел немного. Ну ничего, пару лет отдохну и снова в бой, - но они оба понимали, что в школку Михаил Тимофеевич никогда не вернется.

Дима медлил, будто бы что-то искал внутри головы.

- А как вы пришли к профессии учителя? Вы неварёное с детства хотели учить?

- Я? – Михаил Тимофеевич поднял брови и чуть не перешел на фальцет, - да я ненавижу детей. Я пошел в педагогический только потому что меня больше никуда не взяли, да я и не особо куда-то хотел. Я когда учился, зарекался, что никогда не буду учителем, а после выпуска понял, что последние пять лет я только и делал, что учился быть учителем и, кроме этого, больше ничего не умею. Поэтому вот... сорок лет в школе. И знаешь, не жалею. Много хорошего сделал, как мне кажется.

- Это да, но вот вы когда начинали работать может быть у вас была мечта какая-то там, стремления. Любовь к делу, как вы поняли, что это ваше?

- Да деньги были нужны - он улыбнулся, - вот и работал. Нет, ну в школе мне нравилось, правда навилось, без любви к делу здесь никак.

- А как вы эту любовь нашли? Как вы поняли что это оно самое?

- Дим, ты что хочешь спросить-то? Говори, не таи, к есть, мы с тобой не на уроке литературы, двойку я тебе не поставлю. Я сразу понял, что что-то ты хочешь, просто так бы ты к старику в гости не приехал, - и он снова улыбнулся.

Дима сжал кулаки и поджал губы, набрал воздуха, прямо как на уроке, и выпалил,

- Как понять, чем заниматься по жизни?

В этот момент подошла жена Михаила Тимофеевича, тоже пожилая женщина, с улыбкой поприветствовала Диму и

поставила на стол варенье. Михаил Тимофеевич медленно и вяло взял ложку, съел варенье и запил чаем.

- Не знаю, Дима. Не знаю. Если бы я знал, я бы вам как-то сказал, я много что вам пытался говорить, чего в школе не говорят, а вот этого я не знаю. Если я тебе скажу, что ты должен учителем работать то это будет мой ответ, а не твой. Если кто-то тебе дает конкретный совет, закрывай уши и беги, он ничего не понимает. Жизнь же твоя, и жить её только тебе, и только ты знаешь, как тебе хорошо. Поэтому... что именно тебе делать - не знаю... Пробуй, наверно, единственное, что я могу тебе посоветовать.

Они еще долго сидели, разговаривали, Дима рассказывал про родителей, Михаил Тимофеевич про внуков. Вспоминали былое, Михаил Тимофеевич рассказывал о тех, кто пришел после Дима и о том, какие бывают разные ученики. Между делом, как бы в оправдание своей чрезмерной строгости он сказал:

- Я же вас учить должен был, а не дружить с вами, поэтому так и все было.

И Дима понял. Ведь этот урок, эта закалка, помогли ему по жизни Верне помогали раньше. Когда это все делось сейчас? Чай был допит, варенье было съедено, пришла пора прощаться.

Михаил Тимофеевич пожал руку Димы и произнес:

- Пробуй Дима, пробуй, и у тебя все получится.
- Спасибо, Михаил Тимофеевич, спасибо за всё.

Дима шел домой в тревоге. Если этот человек не знает конкретного ответа, то может быть никто не знает? Ведь на вопрос, как найти дорогу до Москвы каждый укажет одинаковое направление. Любой навигатор проложит один и тот же путь, а если путь будет другой, то машина не приедет в Москву. Почему с целью в жизни так не получалось? Почему же это была тайна, почему она у каждого своя? Ведь должна же быть общая формула? Если Михаил Тимофеевич её не знал, то, скорее всего, бесцельное болтание по жизни, это действительно нормальное состояние человеческого организма. Птицы летают, рыбы живут в воде, а человек живет в неопределенности.

Читатель. Я не утверждаю, я просто делюсь своим мнением. Я не заставляю тебя думать также, но я думаю, что простых ответов на сложные вопросы не бывает. Если кто-то говорит вам, что нужно делать только так и никак иначе – бегите от такого человека, он ничего не знает, послушайте Михаила Тимофеевича, он пожил жизнь.

Слишком много факторов, слишком много случайности и неопределённости в жизни, слишком много всего может произойти, поэтому утверждать наверняка нельзя ничего, можно только предполагать.

Итак, читатель, мы прошли уже неплохой путь. История только начинается. Мы узнали Диму, узнали, что происходит в его голове, а теперь мы посмотрим на то. Что со всем этим делать. Как решать подобные проблемы, ведь Дму по-

добное обстоятельство дел не устраивает, он такого не хочет, он хочет другого. Завтра, в следующей серии... тьфу, в следующей главе, мы посмотрим на то, как же Дима справится со своей хандрой, что же такого придумает, чтобы вывести жизнь на ровные, рельсы.

Глава 7

еще раз

Дима, Дима Исков, тебя раздрают противоречия. Ты не знаешь как жить, и что делать дальше, ты не знаешь, каков твой путь, но самое главное, что ты даже не знаешь как этот путь отыскать. Такое случается, со всеми людьми, мне кажется, что многие задаются этими вопросами, а ты, дорогой читатель, ты когда-нибудь думал об этом? Думал ли ты, правильно ли ты живешь свою жизнь? Надеюсь, что никогда. Потому что это действительно сложный и тяжелый вопрос, на который далеко не всегда получается найти ответ.

Что делает человек, когда с ним случается беда? Как он избавляется от проблемы? От любой проблемы, например, больной зуб, или капающий кран. Он садится, собирается с мыслями, всё хорошо обдумывает и находит пути решения. Он всё взвешивает, анализирует, и находит единственное верный выходит, ну а потом прикладывает все усилия для того, чтобы к этому самому выходу прийти?

Нет.

Так никто не делает.

Человеческая натура чрезвычайно ленива, если лень до-

шла вместе с эволюцией человека до наших дней, значит она энергетически целесообразна, лень — это отказ от ненужных действий, ведь если что-то действительно нужно сделать мы это делаем. Вот только если зуб болит это не беда, его можно вылечить, но когда он прогнил и начинает доставлять невыносимую боль — уже поздно. Да, это хорошая мотивация начать что-то делать, но делать нужно раньше, чистить, каждый день.

Так что делает человек, когда симптомы проблемы только-только проявились? Или даже нет, что делает человек, когда симптомы проблемы еще не настолько развилась, чтобы его убить? Ничего. Он закрывает глаза, опускает голову в песок, делает всё, чтобы не замечать, делает всё, чтобы отказать, делает всё, чтобы убедить себя в том, что проблемы нет.

Дима в очередной раз пришел на работу, посмотрел по сторонам и начал думать, ну ведь всё же не так плохо? Он встречался со своими коллегами на обеде, и они вместе обсуждали свою жалкую никчемную работу.

- Да, работка-то у нас, конечно, дерьмо, - говорил Дима.

- Ну, почему сразу дерьмо, платят вроде неплохо, мне вот детей надо кормить.

- А мне никого не надо кормить.

- Ну вот ты и причитаешь, - сказал коллега и улыбнулся.

- Ну был бы у тебя шанс, ты бы не сорвался с места, ты бы не ухватился за звезду?

- За какую звезду?

- Ну за что-то яркое, за то, что доставляло бы удовольствие, чтобы ты каждое утро просыпался и бежал, бежал, делать что-то хорошее для людей, для мира, или просто делать то, что тебе самому нравится?

- Ну такое я бы хотел, - отвечал коллега.

- Да, и я бы хотел.

- Да ты не переживай так. У нас всё еще впереди. Мы обязательно свое найдем. Чтобы вот как ты сказал, звезды, мечта и всё такое. Обязательно будет. Да. Обязательно. Это ж жизни так всегда бывает. Оно сейчас вот как-то не ладится, а потом все заладится. Ты сколько раз уже так думал, наладилось же всё? Наладилось. Ну вот и сейчас наладится.

- Да, конечно.

Подобный разговор проходил уже не в первый раз. Иногда коллега Димы рассказывал о своих злключениях, о том, что беспокоило его, а его беспокоила забота о близких. Иногда Дима рассуждал о своем призвании, о месте в жизни, и каждый раз разговор заканчивался бесконечным триумфом самоубеждения. Оба оратора приходили к выводу, что всё хорошо, что всё когда-нибудь наладится. Что наступит то самое великое светлое будущее, в котором всё само собой устанится так, как они хотят, хоть они сами и не знают, чего они хотят. И как только они вставали из-за стола, вместе с ними вставало из-за стола стремление и желание.

Всё. Этого достаточно. Достаточно пожалеть себя, чтобы

кто-то сказал, что всё хорошо, чтобы кто-то сказал, что ты такой великий молодец, и делать тебе ничего не нужно, и становится спокойнее. Мозг думает, что действительно ничего делать и не нужно, действительно всё хорошо. Самый простой способ избежать проблемы – ничего не делать.

Этого запала самоуверенности хватало на какое-то время, но самоуверенность и самообман – всего лишь толстый слой грима на огромном уродливом шраме, и как бы сильно его на замазывали, он всё равно проступит. Душа протестовала, билась, рвалась, и со временем приступ отчаяния накатывал вновь, хорошо, что рядом всегда был человек, который мог бы выслушать и покивать. У Димы были друзья и знакомые, которые готовы были его поддержать, поэтому в сочувствии он был не ограничен никак. Возможно это сочувствие и играло свою роковую роль.

Но рано или поздно всему приходит конец.

- Дима, ты опять грустишь? – спросил коллега.

- Да, что-то нет настроения. Думаю, что пора что-то делать, что-то менять.

- Опять ищешь своё призвание? - Дима кивнул, - да всё обрывается. Всё будет хорошо, не переживай. Я вот тоже, - собеседник хотел рассказать о своих переживаниях, чтобы получить свою порцию сочувствия, но Дима прервал его.

- А что, если не будет? Мы уже какой раз вот здесь сидим, и говорим об одном и том же? Каждый раз мы говорим друг другу, что всё будет хорошо. Время идет, а хорошо не ста-

новится. А что, если не станет хорошо? А что, если не будет хорошо? А что, если всё плохо?

- Дима, ты че завелся?

- Да то я завелся, каждый раз одно и то же... И мне кажется, что я просто себя успокаиваю, просто успокаиваю. Но сегодня что-то всё. Уже и успокаиваться не хочется. Сегодня как-то слишком тошно. Вот это вот, «Всё будет хорошо», я в это не верю, не то это, не моя это жизнь, вот это вот всё уже вот здесь вот сидит. – Он показ показал ладонью на горло, вздохнул и замолчал.

- А что тогда твоё?

Дима медленно поднял глаза на собеседника, в его лице промелькнула ярость, если бы это была не столовая, а ринг, то можно было предположить, что Дима сейчас начнет колотить своего оппонента.

- Да пошел ты, - сказал он, встал и вышел.

Если бы он знал ответ на этот вопрос, то всего этого бы не было. Все было просто, легко и очевидно.

Тогда Дима решил взять небольшой отпуск. Он написал за свой счет, на неделю. Думал, что перерыв пойдет ему на пользу. Дима, что он тогда погорячился, и что он просто устал, сколько раз с ним такое бывало, устаешь от работы, от коллег, потом отдыхаешь и вот, всё становится легко просто и хорошо, ведь становится? Да. Становится. Вот и сейчас. Нужно просто отдохнуть, потом прийти новым, освеженным, попросить прощения у коллеги, на которого пору-

гался и продолжать работать. Да. Это всё просто усталость. На самом деле этого давящего, стягивающего чувства нет, на само деле это просто иллюзия утомленного мозга и тела, нужно просто отдохнуть.

Но отпуск не клеился. Дим бродил туда-сюда по городу, ему не хотелось никаких развлечений, он только пару раз зашел поесть в какие-то забегаловки, которые случайно встречались ему на пути. На улицах он видел всё тех же, непонятно куда идущих людей. Все те же серые лица, такие же серые, как и он сам.

Дима несколько дней пытался отоспаться, а потом, когда сон уже не мог взять над ним власть, он просто лежал. Лежал не в безмятежном состоянии чистого отдыха, а в тяжелом тумане раздумий, мысли не покидали его. Казалось бы, он уже и на работу не ходил, казалось бы, он уже и не напрягался, и не изматывался дорогой и рабочими часами, а мысли всё равно не становились легче и прозрачнее. Он думал о том, что не знает, где его место в жизни не знает, чем ему заниматься, не знает, кто он такой вообще,

Отдых, это волшебное слово могло снять симптомы болезни, принести облегчение, освобождение. Но сейчас отдых не приносил ничего. Отдых, наоборот, давал больше времени поразмыслить, подумать и осознать то, что Дима живет не свою жизнь и занимается не своим делом, не тем, чем должен, не тем, чем хочет. А тем, что как-то случайно попало под руку.

Он пытался начать читать, брал в руки книгу и на середине страницы ловил себя на мысли, что не понимает о чем читает, он ловил себя на мысли, что вся его голова занята раздумьями о его месте в этой жизни. Он отложил книгу. Начал смотреть кино. Сначала он видел в персонажах то, что хотел увидеть, что они, так же, как и он ищут свой путь, а потом перестал. Взгляд проходил сквозь экран, он замирал и погружался в сосредоточенное раздумье, вернее не так, в его голове пульсировала одна мысль - что делать? А за неё тянулась вторая - на что я трачу свою жизнь?

Он пытался сходить на концерт, но на концерте ему стало хуже, от того, что все люди подпевали, кричали, веселились, а ему было не до смеха. Он смотрел на исполнителей, которые дергались в каком-то актерском экстазе, они были хорошими артистами, по одному их виду было понятно, что они любят своё дело, а когда они открывали рот и начинали петь, становилось понятно, что это дело всей и жизни. Но Дима не знал, какое у него дело всей жизни, и поэтому, когда он смотрел на тех людей, которые знали, ему было тошно.

Но и здесь, он не позволял положить себя на лопатки, но и здесь он находил лазейки. Они просто притворяются и делают это за деньги. Они просто хорошие артисты, на само деле им это вовсе не нравится, на самом деле они хотят заниматься чем-нибудь другим, нет-нет, на самом деле они сами не знают, чем хотят заниматься, вот и выходит, что они просто дергаются на показ.

Шли дни, заполненные пустотой. Дима ложился спать и надеялся, что вот-вот придет облегчение, вот-вот наступит тот момент, когда все сомнения уйдут прочь, когда всё снова станет легко и беззаботно. Он не хотел решения, он не хотел ничего делать, он хотел только чтобы тяжелые мысли, грузное не отпускающее и вспереследующее ощущение отступило, чтобы оно ушло, исчезло.

Но если ничего не делать, то ничего и не будет. Поэтому все оставалось так, как есть, и Дима хотел лезть на стену.

Прошла неделя. Диме нужно было выходить на работу.

- Ты это, - сказал Дима своему коллеге, - извини меня, что-то в последнее время мне не хорошо.

- Да ладно, Диман, - ответил коллега, - все наладится.

Дима захотел вцепиться ему в горло, но сдержался. Он знал, что ничего не наладится, что ничего хорошо не будет, что зуб уже не просто болит, он прогнил, а с ним прогнила челюсть, и что теперь вместо маленькой проблемочки, нужно делать серьезную операцию по удалению... удалению головы.

Как прыщ. Можно попытаться его выдавить. До какой-то степени он еще будет сопротивляться, но пальцы продолжают сжиматься, мышцы увеличат напряжение, и маленький мерзавец уже не сможет усидеть на месте. Окружающие обстоятельства вытолкнут его с насиженного укромного местечка. Тогда он покажется. Иногда это бывает больно, чаще всего это не очень эстетично, но, когда окружающие обстоя-

тельства поджимают, движение вперед неизбежно. Это может быть и не в перед, и даже и не движение, но какие-то перемены произойдут обязательно.

Так и Дима. Он был обжат со всех сторон и уже не находил места в своем укромном жилище. Он пытался сделать вид, что всё наладится, что всё будет хорошо, но оно не было. Дима вот-вот должен был быть выдавлен жизнью.

Глава 8

Последняя капля упала на чашу, весы начали двигаться, а за ними приходил в движение весь механизм. Одной маленькой капельки, последней капельки, хватило для того, чтобы запустить необратимые процессы.

Этим утром Дима проснулся быстрее будильника. Он открыл глаза, солнышко улыбалось ему из окна и падало на подушку, Дима тоже улыбнулся солнышку.

Его одолевало волшебное, сладостное ощущения, чувство принятого решения, после долго, мучительного раздумья. Он не сомневался, он не задавал вопросы, он знал, знал наверняка, что ему делать и как жить.

Дима нашел в холодильнике яйца; молоко, к сожалению, пропало, но он всё равно приготовил себе омлет. Дима нашел фартук, и весело пританцовывая возле плиты, мурлыка себе под нос какую-то мелодию. Он никогда не завтракал дома. Завтрака либо не было вовсе, либо это были несколько чашек кофе с булками или печеньем, а сегодня вот – настоящий омлет.

Вкусно позавтракав и выпив чай, Дима отправился на работу. У него в запасе было еще несколько минут. В любой другой день он бы еще спал, и встал бы ровно в тот момент, когда нужно выходить, потом вяло схватил первые попавшиеся вещи и побрел, вперед, не понимая, куда идет. Но сего-

дня всё было по-другому.

Сегодня и воздух был чище, и солнце светило ярче, и небо было выше и люби добрее. Дима смотрел на людей, улыбался им, и они улыбались ему в ответ. Возможно, люди улыбались потому, что видели на Диме его фланелевые штаны, а, быть может, от того, что он источал радость.

Он свернул в парк. В парке уже начинала шевелиться утренняя жизнь. Кто-то шел через парк на работу, кто-то бегал или делал упражнения. Мимо Димы пробежали несколько девчонок, Дима улыбнулся и начал бежать рядом с ними, без лишних слов, молча и с широкой улыбкой. Девчонки засмеялись и начали двигаться быстрее. Дима хотел не отставать, но очень скоро устал, и сел на лавочку, довольный и счастливый, ведь из-за него кто-то улыбнулся.

Он прошел мимо озера, хотел было покормить уток, но с собой ничего не было, пришлось оставить уток без завтрака. Ну ничего, тогда можно с ними мило побеседовать. Дима подошел к берегу и сказал:

- Кря.

Утки не обратили на него никакого внимания, тогда Дима повторил свою попытку:

- Кря-кря, - сказал он.

Одна утка подняла голову, посмотрела на Диму, но не так, как смотрят на умных людей. Утка крякнула несколько раз что-то другим уткам, они тоже подняли голову и посмотрели на Диму. Потом поднялся утиный гомон, они перекрякивали

друг друга, и это кряканье было похоже на смех. Вдоволь наболтавшись, утиная стая взмыла в воздух и улетела. Вести беседы с человеком этим утром в их планы не входило.

Как же хороша жизнь! Как приятно было просто сидеть на лавочке и дышать. Этим утром на Диму опустилось состояние абсолютной ясности и ощущение полного всемогущества. В его руках был весь мир, в его руках была собственная жизнь, и только он был за неё в ответе. Дима может делать всё, что ему угодно, выбирать любой путь, искать мечту, и сейчас он был точно уверен, что непременно её найдет. Нет никаких сомнений.

Если раньше мысли о переменах в жизни вызывали растерянность, то сейчас, они не приносили ничего кроме счастья! Как же круто, менять свою жизнь! Как здорово! Ведь можно выбрать любой путь, сделать всё, что хочется! Это замечательно! И такая возможность выпала именно Диме! Как же он раньше не мог до этого додуматься? Почему же раньше он не видел таких элементарных вещей? Бродил во тьме, а сейчас вышел на свет.

Дима посмотрел на часы – пора. Пора менять свою жизнь. Не со следующей недели, не с понедельника, а сегодня, сейчас! Пора! Дима встал и пошел через парк. На одном из поворотов стоял вагончик с мороженым.

- Здравствуйте! Вы уже работаете! Как здорово, можно мне мороженное?

- Вам какое? – спросила продавщица, широко открыла рот

и громко, смачно зевнула, не прикладывая ладонь к губам.

- Прекрасное утро, вы не находите? Как же здорово просыпаться каждое утро и делать то, что хочется, заниматься любимым делом, вы так не думаете? Как приятно просыпаться и жить по-настоящему! Сколько было утр, в которые я не жил, а ведь мог, каждое утро проводить так же, как и сегодняшнее, я...

- Мороженное будете покупать?

- Буду.

- Какое?

- Самое вкусное.

- Сто рублей.

- Спасибо.

- Ага. На здоровье.

Дима взял мороженное.

- ... я ведь не замечал этого, а вы заметили какое сегодня прекрасное утро?

- Очередь не задерживайте! – сказала продавщица и сделала ему жест рукой.

Дима понимающе кинул, и отошел в сторону. Только через несколько шагов он понял, что перед магазинчиком никого нет. Видимо не все понимают, на сколько прекрасен сегодняшний день.

Дорога вела к воротам, а за воротами начинался город. Люди, каждый со своим стремлением, каждый со своей мечтой, все куда-то неслись, бежали, они хотели приблизить се-

бя на один шаг ближе к заветной мечте, и сегодняшней день был тем самым шагом. Сегодня Дима видел не серые лица, а мечтателей, у которых все получается. Диме казалось, что каждый должен быть непременно либо писателем, либо художником, либо поэтом, либо музыкантом. Каждый создавал какое-то великое произведение, и каждый бежал скорее на своё место, чтобы не упустить музу. А продавщица мороженого еще не успела её поймать, сейчас съест несколько мороженных и тогда поймают.

Тротуар звонко пощелкивал и разносил своё веселое цоканье по улице. Дима подтянул штаны, сделал шаг в стороны, оттолкнулся одной ногой и махнул другой. От такого прыжка он оторвался от земли, а его ноги были в стороне, он согнул их в коленях и стукнул ступни друг об друга. Да, такое хорошее настроение случается не каждый день. Видимо Дима сегодня встал с той ноги, и «той» ногой, были обе ноги.

Дима ехал в автобусе и смотрел на людей. Все они, будто бы гипнотическим маятником, были прикованы к своим телефонам. Сейчас, вблизи, он мог увидеть, что лица людей были понурыми, и не веселыми. Раннее утро – не самая позитивная часть дня, особенно, если лечь слишком поздно. Но Дима недоумевал, как можно? Как такое возможно? Ведь всё прекрасно, здорово и замечательно! А они!

Подошла женщина кондуктор. Дима решил, что в нем так много энергии добра и света, что одной его улыбки будет достаточно, чтобы развеселить эту женщину на весь день.

Но Татьяна Петровна не хотела веселиться. Автобус сломался сразу как выехал из депо, а потом еще попался пассажир, который не хотел платить за проезд и устроил истерику, и всё это произошло в пяти утра. Она посмотрела на немного придурковатое, но счастливое лицо пассажира, уголки её рта на секунду приподнялись и она произнесла:

- Оплачиваем за проезд.

Дима протянул деньги:

- Пожалуйста!

Татьяна Петровна молча выдала билет и пошла дальше.

Ничего, думал Дима, это только начало. Совсем скоро жизнь изменится, и каждый день будет таким же радостным! Он научится делать людей счастливее, он научится им помогать, или нет, или он просто найдет своё призвание, будет заниматься любимым делом и из-за этого будет источать положительные вибрации.

Как все решилось, в один момент. Еще вчера он был опутан тяжелыми думами, а сегодня он уже свободен, сегодня он может лететь вперед и вверх, сегодня у него выросли крылья.

Сомнения бывают в момент раздумий, а когда решение принято все сомнения отпадают, единственно верный вариант определен и теперь больше не нужно сомневаться, нужно только делать, делать то, что правильно. Смело шагать в новую жизнь, без сомнений и страха! Вперед и только вперед!

Дима не знал, как всё пойдет дальше, как он будет искать это новое дело, найдет ли его вообще, он просто знал, что

должен делать, он не сомневался, он просто знал. Дима понятия не имел, что он должен будет говорить, он чувствовал, что слова найдутся сами, всё образуется само собой и встанет на свои места без особых усилий. Ведь он чувствует!

Но как только автобус остановился и показался офис, стало ясно, что всё не так просто как казалось. Нужно же еще как-то сказать, нужно же еще потом, может быть отвечать на вопросы. А какие могут быть вопросы, что нужно сказать? А потом вещи, а потом еще нужно как-то быстро что-то искать, или что-то делать? Когда Дима увидел офис, он понял, что всё немного сложнее. Мечты и светлые мысли – это мечты и светлые мысли, а реальная жизнь – это то, что мы делаем. И что бы в реальной жизни что-то изменилось нужно совершить поступок.

Но ничего! Он смело расправил плечи, поднял голову, и, с волнением в животе, вошел в здание. Он прошел мимо проходной поднялся на лифте, оказался перед дверью и понял, что слова куда-то пропали, в горле пересохло, руки вспотели. Дима тронул ручку, дверь открылась, и он сделал шаг вперед.

Глава 9

- Герман Андреевич, я увольняюсь. – Сказал Дима и отвел глаза в сторону.

- Дима, что-то случилось?

- Устал я очень, надо мне это. Вот. – И он протянул директору листок с заявлением об увольнении.

Герман Андреевич бросил на бумагу беглый взгляд, посмотрел на Диму, а потом замер. Он не двигался, но было видно, что внутри него крутится мысль; мощный пучок энергии с каждой секундой всё сильнее и сильнее набирает обороты, начинает светиться, всё ярче, ярче, от яркого света уже начинают болеть глаза, а пучок всё крутится и крутится. Но это было внутри, снаружи Герман Андреевич лишь просиял легкой улыбкой. Было видно, что улыбка эта была искусственно приуменьшена, было видно, что он хотел закричать и начать ликовать, будто бы выиграл в лотерею и сейчас держал в руках выигрышный билет.

Этот просвет выглянул лишь на секунду. Сразу же за ним, Герман Андреевич взял себя в руки, сделал спокойной лицо, взял заявления и положил его в ящик стола.

- Дима, ну куда ты пойдешь? Я же знаю это, ты хочешь уйти в никуда, ты даже места себе не нашел, а ведь нужно на что-то жить. А у нас, разве плохо платят? На хлеб хватает, да еще и с маслом. Дима... ну? Мы же взрослые люди, давай

не будем горячиться?

Дима сидел, насупившись и не хотел отвечать, он чувствовал, что его вера слаба, и что от любого слова она может пошатнуться.

- Я это. Хочу. Это. Ну. – Дима прочистил горло, - не моё это.

- Дима! Ну что же ты сразу не сказал! Не его! Конечно, не твое! Ты просто не знаешь, что твоё, вот и мучаешься! Бедный, как я тебя понимаю! Я ведь сам в твои годы был точно таким же. Стоял на распутье. Но мне повезло, рядом со мной был хороший наставник, который не бросил меня в трудную минуту, который поддержал, который подсказал верный путь. Он не просто давал советы, он определил мою жизнь и теперь, Дима, я хочу сделать для тебя то же самое.

Дима хотел было спросить, что же это за совет, но сдержался. Не любил он Чернова, и рассказы его не любил, и вообще. Дима просто поднял глаза, но и этого было достаточно, чтобы Герман Андреевич продолжил.

- У всех нас такое бывает, нас покачивает из стороны в сторону, как корабль. Знаешь почему его покачивает? Потому что у него нет фундамента. Но человек, Дима, не корабль! У него должна быть надежная опора под ногами! Он должен уверенно смотреть в завтрашний день! Ты говоришь: «Не моё». А ты сам знаешь, что твоё? Знаешь? Ну! Говори! Молчишь. А если бы знал - сказал. Ну так о каком «не моё» можно вообще говорить, если ты сам не знаешь, что твоё, а?

Дима. Может хватит валять дурака?

Дима поерзал на стуле и вздохнул.

- Я же понимаю тебя, я же был такой же пацан как ты! Я же не знал куда идти! Благо бывший директор вовремя указал мне на правильный путь, он сказал, оставайся! Я хотел всё бросить и пойти за мечтой, но нет, вовремя одумался, и теперь, благодаря ему и силам вселенной, я здесь. На этом замечательном месте. А ведь мог тогда всё бросить.

Дима подумал, что здорово было бы прямо сейчас все бросить: схватиться за его стол, перевернуть всё кверху ногами, и уйти.

- Я переборол этот глупый порыв ради высоких целей! Ради стабильности! Ради будущего, ради перспектив! Я понимаю, почему ты так говоришь, Дима, я сам был на твоём месте. Но ты просто послушай! Мы уже планируем открывать новый филиал. Через два года начнем первые шаги и организацию, через четыре-пять будет открытие. Ну, по крайней мере такие планы. Ты же можешь стать руководителем, Дима, ты же можешь наставлять людей.

Представь себе этот день, ты будешь главным! Какая на тебе будет ответственность! И ты будешь идти на работу, с трепетом и осознанием того, что на тебя все смотрят, что люди ждут твоего совета, Дима! Что может быть лучше этого! Ты же будешь помогать людям! Изю дня в день делать их лучше, изю дня в день учить их и учиться вместе с ними.

Директор очень выразительно поднял руку и чуть постоял

так, выдерживая драматическую паузу.

- Всё будет, поверь моему опыту, нужно просто немножко потерпеть. Вот сейчас, мы соберемся с силами и... пойдём в гору такими шагами, что у тебя голова закружится. Просто немного подождать, ну потерпи ещё чуть-чуть, Дима, а? ну чего тебе стоит, это же так просто. Ты мне как сын, я же тебе добра желаю, я же как лучше хочу, я пожил жизнь, я знаю. Не руби, не торопись, не надо, не уходи, ещё рано.

Не уходи, я ещё не закончил некоторые дела. Дела, в которых мне нужна твоя помощь, я имею в виду, с тобой мы ещё не все сделали.

- Вы думаете, что это временно?

- Конечно, Дима! Конечно! Со мной сотни раз такое было и что? А ничего! Жив видишь! Живее всех живых, глаза видят, нос дышит, всё, ничего, звезды указывают путь, сотню раз такое было со мной, если не больше!

Дима снова тяжело вздохнул, он чувствовал, что Чернов манипулирует и навязывает свою волю.

Будто бы дерево повалил сильный ветер и корни показались на поверхности, будто бы открытый перелом, будто русло реки поворачивают вспять. Дима чувствовал, что что-то не так, но в этот момент, он не мог сладить с собой, в его душе блуждали сомнения, поэтому Диму было очень легко сбить с правильного пути.

С того пути, который он наметил для себя. Единственно верный путь – этот тот путь, который Дима выбрил себе сам.

Единственно верный – тот, которых хочет он, и всё. Другого верного ответа нет.

Но у Германа Андреевича было другое мнение, он как паук, опутывал жертву, и как змея, смотрел прямо в глаза и гипнотизировал. Дима уже проглотил наживку, еще секунду, и его кишки будут распороты острым железом, и он понесется к поверхности, против своей воли.

- Ладно, Дима, так уж и быть. Я тебя понимаю. Тебе сейчас не легко. А знаешь, каково нашей компании? Ты себе представить не можешь, на какие жертвы я иду! Мы еле сводим концы с концами, я так добр, что бухгалтера меня явно обманывают,

- Ага, ты сам кого хочешь обманешь, - подумал Дима.

- Но ради тебя, ради твоего будущего, я готов ущемить себя. Чтобы отпраздновать то, что ты остаешься с нами, я даю тебе 872 рубля прибавки к зарплате! Да, деньги действительно большие! Чего мне только стоило их выбить для тебя! Но вот! Отпразднуем то, что ты вернулся на правильный путь. Ты потом еще будешь меня благодарить! Вместе будем вспоминать и смеяться! Ну что, по рукам? – Чернов схватил руку Димы и начал её трясти.

- Да. – Невесело проговорил Дима.

- Отлично. Мне еще работать надо. Давай иди. Раз всё решили. Нечего тут сидеть. У меня дела. Очень рад был, заходи еще, - сказал Герман Андреевич и выставил Диму за дверь.

Нет, ну а что, размышлял Дима. Нужно сначала скопить

капитал какой-то, чтобы была подушка безопасности, чтобы было можно искать работу, чтобы было чем платить за квартиру, за еду. А вдруг жена? А вдруг дети? Их что? Их надо на что-то содержать. Нет. Герман Андреевич дело говорит, он, конечно, козел, но это он правильно говорит, нужно как-то подготовиться, нельзя так дергать сразу. Нужен план. А так что? Это да, это ребячество какое-то, так вот всё бросать и куда-то уходить.

Правильно он говорит, если бы я знал, куда иду, это другой разговор, а так, всё бросать и идти в никуда. Так взрослые люди не делают.

Да он, конечно, мне никогда не нравился, но это же не значит, что он не правильные вещи говорит, да? Конечно, нет. Даже сумасшедшие иногда могут говорить что-то хорошее и полезное. Оно же не перестаёт быть полезным из-за того, что это произнес сумасшедший? Нет. Ну так и здесь. Да. А может и правда всё изменится, может скоро новый филиал. Я бы хотел? Не знаю, может и хотел, было бы интересно, по крайней мере. Это же я с людьми буду работать, пользу приносить, классно! Правда еще не факт, что это всё вообще случится, но ничего, это поправимое дело, вопрос времени, сколько? лет пять, да быстрее, по-любому быстрее, и всё будет просто замечательно.

Да. Здорово, что он мне дал такой хороший совет, а то бы сейчас вот наворотил дел, заявление даже не отдал, себе оставил, мол не получишь, иди, не видать тебе заявления, я

его беру и не принимаю, сам с ним разделаюсь.

Не знаю.

Дергать надо было.

А теперь снова вот тут вот сидеть. Смотреть. Слушать вот это вот всё, вот этих вот всех... дергать надо было. Что ж это я не дернул? А теперь поздно, теперь вот сиди тут, как лебедь, с подрезанными крыльями. Не взлетишь. Да и с ногами, подрезанными, тоже – не уйдешь.

Так думал Дима о своем решении остаться (или не о совсем своем). Он пытался искать плюсы, пытался убедить себя в том, что это его решение и что так будет лучше, хотя на самом деле лучше от этого было совершенно другому человеку.

Всё вернулось на круги своя. Мимолетный порыв, надежда на изменения, развеялись больше их нет. После неудачной попытки у Димы опустились руки, он боялся признаться себе, что с ним что-то не так, что он не правильный, что он не может собраться, не может делать то, что хочется ему, поэтому он пытался убедить себя в том, что то, что он делает это и есть его выбор. Он выбрал такую судьбу сам, без чьей-либо помощи. Директор подливал масла в огонь:

- Я знал, что ты сможешь принять правильное решение самостоятельно! Ты сделал правильный выбор!

И всё. Диме оставалось только покивать и улыбнуться, через боль. Если до этого Дима смотрел на свет, то теперь он сам от него отвернулся; если до этого, Дима пытался отпра-

виться в долгий и не легкий путь, то сейчас он выбросил карту и повесил сапоги на гвоздь. А самое главное, он начинал верить, что это его выбор, что это он так захотел.

Обманывать других можно много, рано или поздно это конечно приведет к своим последствиям, но какое-то время это будет удаваться. Обманывать себя можно бесконечно, но душа будет постоянно болеть. Как бы Дима ни старался себя обмануть, у него это не получится, не может получится. Уж слишком уж он настоящий.

Глава 10

Если лист отрывается от ветки, он летит, и снова стать частью дерева он не сможет. Как только человеку выпадает возможность выйти из пресловутой зоны комфорта (прости меня, читатель, за использование этого словосочетания), очень хочется шагнуть назад. Не надо. Не действуй, зачем тебе это. Особенно сильно хочется шагнуть назад, если рядом есть человек, который усиленно «помогает».

Такие помощники могут льстить, могут уговаривать, могут шантажировать, могут обманывать, подкупать, главное - они врут, врут, чтобы «помочь», потому что так будет лучше. Но лучше будет только для них. Они могут сами верить в то, что говорят, могут даже убедить себя в бескорыстности своих намерений, но единственной их целью будет собственная выгода.

Диме нужно было расти. Хоть его внешняя оболочка и дремала в бездействии, в его душе постоянно происходило движение. Он размышлял о мире, о людях, он пытался понять суть явлений и причины тех или иных событий, он познавал мир. Его душа росла. Сначала это был маленький росток, потом росток превратился в дерево, а теперь это дерево раскинуло свои ветви, ветви достигли крыши дома и начал его приподнимать. Диме было тесно, и вопрос изменений был лишь вопросом времени. Только какого времени? При

умелых манипуляциях и уговорах это может длиться десятилетиями, или еще хуже до глубокой старости, когда уже поздно будет что-то менять и останется только жалеть бесцельно прожитые годы.

После разговора с директором Диму наполнило чувство странного клокотания, которое происходит, когда машина не может завестись. Что-то прощелкивало, не срабатывало, не крутилось. Вроде бы теория Чернова была стройной, в неё хотелось верить, но не хватало доброй половины звеньев и шестерней, и механизм не запускался.

Он решил встретиться с одним своим хорошим другом, Женей, и спросить совета.

- Да, Димас, ну ты, конечно, дебил, - начал Женя после того, как выслушал рассказ, - ты ж понимаешь, что он тобой манипулировал. Знаешь сколько таких контор? Там парни сидят по 30 лет за тридцать тыщ, а им обещают завтраки. Завтра все будет, завтра все сделаем, завтра, завтра... а они ведутся.

- Ну так он же сказал, что скоро все изменится...

- Скоро? Когда скоро? Сколько ты там работаешь? За это время много что изменилось?

- Ну вывеска поменялась при входе.

- Да? Дай угадаю, старая сгорела или её кто-то украл.

- Ветром сорвало.

- Во-во. Перемены! Закачаешься! Рви, Димас, РВИ! Не думай!

- А как же коллектив, а как же там товарищество, сейчас сложная ситуация, как я уйду-то?

- Как-как... встаешь и уходишь. Сложная ситуация, а когда простая будет? Была хоть раз простая ситуация? Никогда не было простой ситуации. А после этой сложной будет другая сложная, а потом у меня кошка рождает, жена, собака, всегда что-то будет у них не так, понимаешь, у них! Но не у тебя. Про тебя никто не думает. Если ты про себя не подумаешь, никто про тебя не подумает. Рви. Димас. Рви.

- Ну как же так, я не могу. Совесть не позволяет.

- Да засунь ты свою совесть...

- Не могу, Женек, ну не могу. Вот переворачивается все. Мы вроде разговаривали, и я, вроде, как бы, согласился. Слово дал, что ли. Пообещал. Понимаешь?

- Ну ты же не говорил прямо так «я обещаю», значит ничего страшного.

- Ну так нет, но все ровно. Не могу, Женя, не могу. Пол годика, может годик еще посижу, чтобы слово сдержать, там посмотрим.

- Пф... да... и будешь ты так сидеть всю жизнь... А ты не думал, зачем он тебя уговаривал остаться? Ты что такой незаменимый работник и работаешь такую незаменимую работу?

- Ну, я не плохо работаю. Иногда.

- Ага. Зачем ты ему нужен?

- Да я откуда знаю, че пристал, говорит как к сыну ко мне

относится, приглянулся я ему, видимо, откуда я знаю.

- Хм... странно. Я по знакомым пробую, вдруг что-то узнаю. Мне это кажется очень странным делом, Димас. Предчувствие у меня не доброе.

- Слушай, ну не придумывай, а?

- Ладно. Не бери в голову. Только дергай. Послушай меня, я тебе говорю. Наплюй на всех, помоги сначала себе, и только потом ты сможешь помочь окружающим.

- Нет, Женек, я так не могу.

Дима Исков шел домой и раздумывал над словами друга. Женька устроился очень хорошо, много зарабатывал, и, вроде как, любил то, чем занимался, поэтому его словам можно было доверять. Он доказал свою правоту на практике. Если у него получилось идти вперед и добиваться своего, то может быть, и у Димы тоже получится?

А что, если правда дернуть? Ну да, ну не удобно, а что, если дернуть? А что, если прямо вот всё-таки прийти, и сказать, мол спасибо, конечно, но я передумал, и мне надо идти. Нет-нет, не уговаривайте, очень благодарю, но я пошел. А? Женька ведь дело говорит, если самому о себе не заботится, то никто о тебе не позаботится. Все хотят только что-то поиметь.

И волна желаний перемены в жизни снова накатывала на Диму. Сначала она была далеко от берега, её было даже не видно, лишь маленький белый барашек сворачивался сверху, но она приближалась. Волна стала нащупывать дно, вста-

ла на него своими мощными ногами, начала подниматься, огромное чувство перемен раскрылось во всей красе, радужные брызги разлетелись в разные стороны, накрыли Диму и унесли с собой.

На следующий день Дим проходил мимо музыкальной школы. Это утро было каким-то необычным, там шумела музыка, подходили родители с детьми, дети держали в руках музыкальные инструменты. Очень легко было угадать пианистов, нет, они не тащили рояль, они шли налегке, когда скрипачи и гитаристы несли на инструменты в руках. Дети были одеты в костюмчики, на мальчиках были бабочки, на девочках юбочки.

Это могло вызвать только улыбку. Дима почувствовал какое-то единое торжество с этими детьми, он радовался за них, ведь сегодня с ними должно было произойти что-то значительное. Серьезное испытание в жизни, возможно даже первое серьезное испытание.

Как им, должно быть, страшно. На маленького человечка направлены сотни глаз, все они ждут, когда человек начнет играть, а человек сидит и не начинает, его руки покрылись потом, он проглатывает сухой комок и не двигается. Руки опускаются на клавиши или струны и промахиваются, пальцы не слушаются, он играет что-то не то и не может ничего с этим поделать, мышцы сжимаются, превращаются в камень, страшно, безумно страшно, только черная ткань, которая свисает по краям сцены стоит перед глазами. Через миг

всё закончилось, он встает, и еле идет, потому что от нервов ему защемило ногу, ему, маленькому ребенку, больно ходить от того, что он только что пережил.

Тяжелое, трудное, невыносимое испытание. Для сторонних зрителей еще один скучный номер, или милый мальчик или девочка, которые перепутали ноты, а для него... для него это самая настоящая пытка.

Дима видел, как родители один за другим заводят своих детей в это здание, они держат их за руку и заходят вместе с ними. Не бросают, думал Дима.

И тут одна мама пронеслась мимо, в её рука трепыхался мальчик, маленький, совсем маленький, с гитарой на спине. Она через каждое мгновение поднимала руку и смотрела на часы.

- Так, мне надо бежать, я ужасно опаздываю. Иди сюда, поцелую, - целует, - вот так. Ты молодец, ничего не бойся, у тебя все получится. – Женщина обняла сына, снова посмотрела на часы и побежала прочь.

Мальчик стоял и смотрел ей в след. Он видел, как мимо него проходят другие дети, с родителями. Взялся за ляжки гитарного чехла, сел на бетонную часть забора и заплакал. Ему было страшно, а мама его оставила, одного, совсем одного. Она бросила его в самый сложный момент в его жизни, в тот самый момент, когда ему была нужна поддержка.

Да, её можно было понять, в её взрослой жизни были дела, те самые важные дела, взрослые дела, работа, может быть

она мечтала о повышении, может быть мечтала найти место получше, а может быть бежала за тем, чтобы найти свое призвание, или денег на еду... но как бы то ни было, она оставила его в самый сложный момент жизни.

Пока Дима добирался до работы, он постоянно думал. Что же он, предатель, что ли какой-то? Что же он, как крыса побежит с тонущего корабля? Что же он, продаст место, в котором так долго работал, и ради чего? Ради какой-то там несбыточной мечта? Ведь если Герман Андреевич просит, значит это действительно нужно. Если говорит, что сложно, значит это действительно сложно. Нельзя, нельзя бросать людей в сложной ситуации, не по-товарищески это, не по-человечески.

А если бы Диме было тяжело? Он бы, наверное, хотел, чтобы от него не отворачивались при первой возможности, как много компания в него вложила? Ведь вложила? Что-то да вложила. Нельзя, ну как же так можно, ну нельзя же, да? Женя стройно говорит, но уж как-то слишком своевольно, не по-человечески, слишком уж он думает только о себе. Не могу. Не могу я так. Бросить всх и уйти, ну не могу и все.

Нужно сделать так, чтобы все было хорошо, спокойно все обдумать, чтобы никого не обидеть, чтобы никого не бросать, Дима думал поработать еще годик, а потом уже постепенно отходить от дел. Выбрать самое благоприятное время, чтобы никому не мешать, чтобы никому не было больно или обидно и тогда да. Чтобы всем угодить. А то, что он год жиз-

ни потратит, так это ерунда, это же не десять, это же не пятнадцать и не двадцать пять.

На том Дима и порешил, что он лучше останется в ладу со своей совестью, лучше он будет честным человеком, честным, перед самим собой, чем подведет других. Да, немного не укладывается в планах, но ведь быть достойным человеком не просто. Хорошо быть достойным человеком, когда ничего не происходит, а ты попробуй быть таковым, когда жизнь ставит выбор? Это не просто. Ощущение чувства долга взяло верх.

Этой ночью он спал плохо, постоянно ворочался и совсем не выспался. Диме снилось, будто бы он видит свет, поворачивается к нему, идет, вытягивает руки вперед, вот, он уже чувствует это тепло, вот он уже может взять его в руки, но тут вырастает ржавая железная решетка, она повалится внезапно, из ниоткуда, руки Димы сразу торчат сквозь неё, грудь упирается и он не может дотянуться. Остается всего несколько сантиметров. Тогда он разворачивается и видит другой свет, начинают бежит, но ноги не слушаются, все движется медленно, но всё же Дима приближается к свету, протягивает руки и снова его останавливает железная решетка. Дима смотрит по сторонам, с неба начинают падать решетки и перекрывают всё вокруг, он стоит среди сплошной тюрьмы, которая усеяна проржавевшим железом. Дима пытается проскользнуть в маленькие щели, но у него не получается. Весь металл приходит в движение и наваливается на него.

Дима оказывается в стальном гробу, а железо всё валится и валится сверху.

Дима открыл глаза, подушка была мокрой, рядом звонил будильник. Сон закончился.

Глава 11

С того дня в Диме что-то сломалось. Всё случилось вроде бы по собственной воле, но все равно, против неё. И это ощущение, будто бы кто-то другой влез в его тело и двигает руками, было невыносимым.

Дима делал то, что хотел, он был твердо в этом уверен, он честный человек и поэтому так поступает, но на самом деле он делает то, что ему приказали. Если бы его обманули очень грамотно, то с этим не было бы никаких проблем, но его обманули не на столько хорошо и оставалась тонкая щелочка, крохотный просвет, сквозь который можно было увидеть, что это не его решение.

От этого было еще хуже. Эта щелочка для сомнений была на столько узка, что позволяла усомниться, но не позволяла усомниться на столько, чтобы что-то изменить. Дима знал, что его обманывают и продолжал обманываться.

Дима начал очень быстро худеть, проступили кости черепа, натянулась кожа на руках. Иногда он забывал есть, а иногда просто не хотелось. Монотонная работа перестала приносить дискомфорт, он сидел и вяло переводил курсор мыши с одной части экрана на другую. Герман Андреевич, про-

ходя мимо, довольно улыбался и кивал.

Краски мира расплывались превращались в одно серое пятно, утро, день, дорога, работа, уже сложно было разоб-
раться, где именно находится Дима, да и было не зачем, по-
тому что ему было все равно. Очередной день, такой же, как
и все дни, ничем не отличается от предыдущих, а последую-
щие ничем не отличатся от нынешнего.

Однажды он брел домой среди толпы людей. Было еще
светло, можно было разглядеть лица людей, но он этого не
делал. Он не понял, что произошло, странное ощущение
только спустя секунды пришло осознание: толчок. Кто-то
вытолкнул его из общего людского потока, и теперь он стоит
в стороне.

Перед Димой стояла она, та сама девушка с пышными куд-
рями. Она молча смотрела, ему в глаза. Дима окинул её рав-
нодушным взглядом и побрел дальше. Он её не заметил, не
узнал, или может быть наоборот, узнал, но не захотел себе
в этом признаваться. Ведь если этого не сделать, то можно
спокойно отправиться дальше, а если это сделать, то сомне-
ния снова могут ворваться в жизнь, а сомнения – самое от-
вратительное дело, которое может случиться в жизни чело-
века.

Позвонил Женя.

- Димас, здорова.

- Привет.

- Слушай, я там пробил через знакомого, ходит слух, что у

компании вашей всё очень нечисто, так что будь аккуратнее, мало ли что может случиться.

- Хорошо.

- Давай, не болей, побежал.

Видимо все было сделано правильно, видимо это случилось не зря. В компании действительно проблемы, в компании действительно происходит что-то неладное, и компанию действительно сейчас нельзя оставлять. Здорово, честно, порядочно. Так и должны поступать порядочные люди. Дима так и поступил. Молодец.

Он прошел мимо музыкальной школы и даже не посмотрел на неё, ничто в нем не дрогнуло, не возникло никаких воспоминаний. По тому тротуару, на котором в хорошем настроении Дима щелкал пятками, он просто прошел. Парк пролетел, будто бы его и не было. Никакая мороженщица, или пробегающие мимо девушки не могли завладеть вниманием Димы.

Он пришел домой, выложил продукты в холодильник и забыл поесть. Он сидел в кресле и смотрел в одну точку. Мысли вроде бы и были, но в то же время их не было. Такое странное сосредоточение, когда мыслительная работа проходит где-то в подкорке, а не в активном сознании, в то время как сознание находится в полудреме. Дима сидел в кресле и смотрел в одну точку, но на самом деле он смотрел мимо этой точки, он смотрел сквозь стену, сквозь здания, сквозь время и пространство, он смотрел в бесконечное, черное ни-

куда и думал ни о чем.

Он подчинился этой жизни, он подчинился тому, что происходит, и от этого он начал увядать. Здоровый молодой мужчина начинал превращаться в немощного старика и двигался только в одном направлении - вниз.

Такое иногда случается, когда у человека пропадает желание жить, когда пропадает воля к жизни, когда жить больше не за чем, организм как бы отказывается от всего и завершает свое существование. Дима не знал свою мечту и не знал, чем он хочет заниматься в жизни, но отказ от поиска этого самого чего-то был равносителен смерти.

Ведь если он находится в движении, то возможность дойти до цели есть, но стоит остановиться, и куда-то прийти становится невозможно. Он остановился, и не просто остановился, а врос ногами в землю. Сначала эта земля была легким слоем грязи, который налипал на подошвы, потом эта грязь медленно нарастала, а сейчас она превратилась в огромные глиняные сапоги, которые не давали сдвинуться с места.

Его комната не превращалась в склад вещей и горы мусора. Она просто покрывалась пылью. Вещи стояли на своих местах, неподвижные и одинокие. Слоем белой пудры покрылись столы и книжные полки, полы, были хорошо припорошены, и лишь маленькая полоска была чиста, то место, по которому Дима иногда ходил. В кресле и на его подлокотниках не было пыли, потому что на них, иногда, опускались

руки.

Дима забывал следить за собой. Волосы на его голове слиплись и превратились в кусок вонючей пакли, а лицо покрылось щетиной, которая лезла и из-за неё лицо казалось грязным.

В один день он остановился перед озером, и вода его заморозила. Нет, это было не чувство прекрасного, это была мысль о дне водоема. Предвкушение избавления, прекращения бессмысленного существования. Вода манила, как в жару, вода приносит прохладу, так и в моменты бесконечного отчаяния Диме казалось, что она принесет облегчение.

Но это не выход. В моменты отчаяния так может только казаться, а может даже и не казаться, а быть реальностью. Но какой бы правдоподобной ни была картинка – это обман. Всегда. Ведь такое решение ставит точку, и не дает узнать, что будет дальше. Жизнь – не предсказуемая штука, и после черной полосы обязательно следует белая, до неё только нужно дойти, её нужно только дождаться. Самая темная ночь, перед рассветом.

Дни слилась в один день, уже было не понятно, когда наступило утро, и был ли вечер, все смазалось, будто кто-то случайно провел кистью по еще не высохшему полотну. Краски жизни пропали, осталась только каша серо-коричневого цвета.

Длилось это долго, прошел почти год. Женя не наврал, в компании и правда был проблемы, уволили 9 человек. Не

хватало денег на зарплаты. Дима еще раз убеждался в своей правоте и правильности решения, он еще сильнее расслаблял свою волю и бездумно стекал по собственной жизни.

В очередной раз, когда Дима шел по парку, он почувствовал одышку, посмотрел на свои костлявые руки и понял, что что-то, наверное, не так. Перед глазами пошли пятна, вот оно, подумал он, наконец-то настало. Он всегда представлял себе этот момент каким-то величественным, необыкновенным, ведь смерть случается один раз в жизни.

Он упал, было больно, да и асфальт не такой теплый, каким мог бы быть. Еще и мокро, хоть бы это были не собаки, пусть это будет поливалка для газонов. Прохожие вызвали врачей.

Дима сидел в скорой, доктор светил ему в глаза молотком и бил фонариком по коленям.

- Жить будете. Но за собой надо последить. Нельзя так себя запускать. А то в очередной раз приезжать будет уже не к кому.

Врач что-то говорил, а Диме было не до этого, ему было не важно, что с его здоровьем, он сожалел о том, что его забрали, и ему снова придется передвигать свои конечности и перемещать кусок мяса, который называется его телом, туда, куда не хочется.

Дима, Дима! Как же с тобой такое произошло? Как такое могло случиться с тобой! О, мой Дима... жаль, очень жаль. Жаль, что такое может произойти в нашей стране, жаль, что

ты, Дима, не знаешь, что делать. Ведь если бы ты знал, что хочешь быть, например, пожарным, если бы в твоей жизни была цель, то все было бы совсем по-другому. Всё изменилось. Любое направление возможно только при наличии движения. Если есть движение, значит есть и направление. И наоборот, если есть цель, то понятно, куда двигаться. Вектор, маленький вектор, цель, мечта любого масштаба действуют на жизнь человека как точка опоры, при помощи которой Пифагор хотел перевернуть мир. Наличие этой маленькой точки переворачивает жизнь человека. Если бы эта точка была, если бы она только была, то она бы могла все изменить. Но её не было.

Как такое происходит? Не знаю, нас этому не учат. Родители про это не рассказывают, никто даже не знает, как это делается. Вот и получается, что самая важная вещь в жизни – призвание, дело, то, чем человек занимается большую часть своей жизни, никто не умеет выбирать и даже не знает, как этому научиться.

Дима, неужели ты такой податливый, неужели тебя так легко сбить с толку? Любой человек поддается манипулированию. Особенно, когда в деле завязана толпа. В деле с призванием толпа находится повсюду: на работе, на улице, среди друзей, среди знакомых и даже среди родных. Никто из них не знает, как найти свое призвание и как понять, чем заниматься по жизни, многие из них делают не то, занимаются не тем, чем нравится, и так проживают всю жизнь. Каждый

день, изо дня в день они приходят и ненавидят свою работу, они ненавидят большую часть своей жизни... и таких людей много, поэтому подобное кажется нормальным.

Незнание своего призвания кажется нормой, а люди, которые нашли свою мечту, кажутся либо мифом, либо чудом. Когда большинство людей вокруг не знает, что будет делать по окончании университета, когда большинство людей не знает, что делать ведь им уже 20, 30, 40, 50 и т.д. лет, то невольно начинает казаться, что это общечеловеческий вопрос, и думается, что так живут все.

Дима... тебе просто попались не те люди, ты просто смотришь не в ту сторону, если бы ты просто внимательнее смотрел, если бы не закрывал глаза, а держал их открытыми, ты бы увидел то, что люди, которые нашли свое призвание есть, они существуют, это не чудо! Как жаль, что ты с ними почти не сталкивался, как жаль, что ты их почти не видел.

Но ничего, Дима, держись, всё будет хорошо! Ведь совсем скоро ты встретишь такого человека и даже не одного, а несколько людей, которые горят, которые живут, которые любят, которые знают чем хотят заниматься по жизни, которые точно уверены в своем призвании. Но это будет чуть по позже, в следующей главе.

Глава 12.

Это был теплый солнечный день. Дима долго не хотел выходить из дома, но всё же решил прогуляться. Случайность? Или закономерность? Ведь могло случиться и так, что он бы не вышел. Или свернул на другую улицу, или вообще решил бы сесть перед домом на лавочке, но он не остался, не сел, и не свернул. Дима отправился туда, куда никогда не ходил, он решил пойти в другой район, через дворы и закоулки. Шел он медленно, неспеша, потому что торопиться не было никакого смысла.

Он вышел на площадку, которая была то ли старым парком, то ли небольшим сквером. Это место находилось рядом с рынком, поэтому мимо него туда-сюда сновали люди, именно поэтому ОНИ и решили расположиться в этом парке.

Из-за того, что Дима бродил по дворам, он вышел с дальней стороны этого места, поэтому он мог пройти его насквозь и увидеть всё, что там происходило.

Земля испещрена следами от граблей, убирались, а чуть дальше, в кустах, валялись те самые грабли, но листвы и мусора не было. Кусты были аккуратно срезаны, чтобы создать приличный вид, а на другой стороне стоял человек на лестнице и срезал ветки.

Мимо Димы прошел парень, с румянами на лице. Дима прошел дальше и мог видеть сцену, вокруг неё были натя-

нуты веревки, по бокам стояли ширмы, за ширмами висели вешалки с костюмами. Из двери вышел человек в белой рубашке с жабо, он состряпал хмурое лицо, помотал головой, снова состряпал лицо, снова помотал головой, потом сплюнул, махнул рукой, и подошел к пульту, настраивать аппаратуру.

Кто-то нес софит, и этот кто-то был в костюме, другой кто-то в костюме, нес другие костюмы. Дима шел дальше, он ступал аккуратно, чтобы не вызвать лишнего шума, его околдовало какое-то странное чувство – ощущение волшебного муравейника, будто каждый человек знал своё место и делал своё дело.

А самое главное: Дима окунулся в то ощущение, которое давно искал. Вот они, Люди, которые занимаются любимым делом.

Он прошел дальше и понял, что все эти люди были актерами, все они были на половину облачены в костюмы. В костюмах же они делали последние приготовления, которые в театральных коллективах составляют 50% от всей работы (а может даже больше). Вот такие они, последние приготовления в день премьеры. Поэтому артисты несли, крутили, ставили, клеили, мазали и красили. Вместе с этим репетировали, распевались и разыгрывались. Тяжела и неказиста, жизнь артиста.

Дима прошел мимо сцены и увидел, как человек во фраке стоит на лестнице и вешает софит. На самой сцене несколь-

ко человек в разного цвета сюртуках и ФЛАНЕЛЕВЫХ ШТАНАХ, пытались прикрепить к кирпичной стене баннер, на котором была нарисована декорация. Вышла девушка, в пышном платье, и начала расставлять на столе яблоки и кружки. Потом она потрясла коробок, и пошла расставлять реквизит дальше.

Это была старая сцена, знаете, такие советские кирпичные коробки, которые зачем-то стоят во дворе. На самом деле сложно себе представить, чтобы в советское время люди выходили во двор и устраивали концерты.

Какая-нибудь Зинка выходила и рассказывала стихи про Ленина, а какая-нибудь Тамарка пела песню про Сталина. Но затмевал всех, конечно, какой-нибудь Петрович, который выходил и показывал Сталина, набитого на его боку. Но потом выходил Семеныч, спускал штаны и показывал всем табуировку Ленина. Вот это был настоящий гвоздь программы.

Вы видели такие сцены, разрушенные, без крыши, перед ними либо стоят лавочки, либо торчат металлические огрызки этих самых лавочек, и не понятно зачем они нужны. Ребята из коллектива «Еще раз» взяли и организовали здесь театральное выступление. «Бесплатный театр» гласила вывеска.

Дима шел мимо и видел всё это дело изнутри. Видел полураздетых артистов, видел то, что декорации прибиты к деревьям, свисающие провода, валявшиеся коробки. Ему казалось, что это жутко плохо, такой самодеельщины он не видывал очень давно. Задник приклеивался, само-собой, на

скотч. А когда он увидел, что это театр, стало немного смешно. Но потом, когда Дима отошел подальше и взглянул на это со стороны зрителя, он искренне удивился. Сцена казалась очень добротной и даже... красивой. Было понятно, что это не большой театр, что декорациями здесь занимается тот же, кто и играет на сцене, но на это можно было смотреть, а самое главное, на это хотелось смотреть. Череда человеческих перемещений интриговала, прохожие видели, как что-то происходит и останавливались. Другие прохожие видели этих прохожих, думали, что что-то происходит и подходили чтобы посмотреть, на что смотрят прохожие. Собиралась толпа. Правда люди быстро уходили, потому что ничего еще не началось, но на из место прибывали новые зеваки.

Дима стоял. Ему было интересно. Вдруг откуда-то из толпы выпрыгнул мужчина, высокий, с массивной челюстью, стриженный под машинку.

- Занавес! – заорал он, - занавес, суки! – этот мужчина кричал и размахивал пакетом из которого выглядывали парики.

Люди, которые крепили баннер к заднику сцены перепугались, все вместе бросились бежать и баннер отвалился. Они стали тянуть за веревки с обеих сторон сцены и занавес, который был сделан из старой школьной занавески, медленно закрыл всё происходящее от зрительских глаз. Стало не интересно не на что было смотреть, но в то же время было интересно, что же там, за занавесом и что будет дальше.

Актеры постепенно переставали ходить, слышался гул, потом он утих, лишь изредка слышались возгласы, видимо кто-то на кого-то кричал.

Потом перед занавесом встал тот самый высокий человек, с массивной челюстью и большой, короткостриженной головой, но на этот раз он был в парике. Он осмотрел зрителей и начал декламировать.

Актер:

В двух семьях, равных знатностью и славой,

В Вероне пышной разгорелся вновь

Вражды минувших дней раздор кровавый,

Заставил литься мирных граждан кровь...

Ну и так далее.

В это время из-за кулис вышли двое, в шляпах с перьями, в усах и красивый средневековых костюмах, в них уже нельзя было узнать прежних актеров-строителей, сейчас это были настоящие веронцы. Они грациозно схватились за веревочки и начали их тянуть, занавес стал разъезжаться. Сначала двигались обе половинки занавеса, потом одна из половинок застряла, актер дернул веревку, и веревка оборвалась.

Сцена была раскрыта и на ней стояли артисты. Зрители приготовились к чему-то интересному. Артисты, ни капли не растерявшись, принялись жить своей жизнью. Один разговаривал с другим, второй стоял в сторонке и о чем-то мечтал и зрительный зал, который представлял из себя толпу случайно собравшихся зевак, не понял, что что-то пошло не так.

Тот, кто говорил стихи в самом начале, спокойно развернулся и пошел к остальным.

Вдруг к бедному человеку, который уже несколько минут пытался раскрыть занавес подскочил другой и спросил:

- А что это вы тут делаете?

- Я... э...

- А не показываете ли вы мне кукиш, синьор?

- Я? – подхватил второй, - я просто показываю кукиш, синьор.

- Вы нам показываете кукиш, синьор?

- Нет, синьор! Я не вам показываю кукиш, синьор, я просто показываю кукиш, синьор!

- Ах да!

Завязалась какая-то потасовка, первый побежал за вторым, второй толкнул первого прямо в нераскрывшуюся часть занавеса и занавес оборвался, накрыв собой второго. Спектакль начался.

Дима стоял с открытым ртом и не мог отвести взгляд. Где-то в глубине души он думал, что это представление рано или поздно закончится. Мимо проходили люди, и отвлекали, глупые люди, как можно идти мимо и не смотреть, как можно не смотреть на такое! А ведь кто-то действительно, стоял с хмурым лицом, сложив руки на груди. Пацаны пили пиво и громко гоготали, где-то позади. Рядом был жужжащий рынок, мимо шла тропинка. Но всё это быстро расплывалось и исчезало, Диму захватывал спектакль.

Нет, Дима бывал в театре до этого, он видел и артистов и слышал, как рассказывают стихи, видел костюмы и декорации – всё это он видел и знал. Но он никогда не видел, чтобы люди играли ТАК.

Как происходит обычное представление в театре? Человечки выходят на сцену и красуются. Да, они красивы, большинству людей они могут даже понравиться, кто-то, может поддаться мнению толпы и признать в них хороших артистов, но на самом деле они пусты. Они выходят, в красивых костюмах, натягивают красивые улыбку, красиво ходят и красиво говорят, и всё. В них нет жара, в них нет жизни, может быть когда-то давно они и хотели, они мечтали, он горели, но сейчас они «признанные» они знамениты, они АРТИСТЫ и можно даже не стараться, а зрителям и такого достаточно, потому что другого они не видели.

Один великий человек говорил, что они не играют на сцене, они красуются, и главная цель их персонажа не сделать что-то для рассказываемой истории и для всего спектакля в целом, главная цель их персонажа показать на сколько красив актер, как он может и подмигнуть, и управлять голосом, и как он может красиво разводить руками. Вот и выходит, что в театрах показывают спектакли про людей, которые умеют красиво говорить и красиво размахивать руками. В театре не ставят Чехова, в театре не ставят Шекспира, в театре ставят «Посмотрите на красивых артистов».

Здесь всё было совсем не так, по-другому, абсолютно по-

другому. Такого Дима не видел никогда в жизни. Актеры не играли, он жили, каждое их движение, каждый шаг был наполнен, и не просто наполнен, а наполнен внутренним пламенем, ярким огненным потоком, казалось вот-вот и на них загорится одежда, а за ней воспламенится плоть, и всё начнет гореть, сиять, сверкать!

Дима был так впечатлен, что у него в голове что-то переклинило. Он слышал название города Верона, и не мог вспомнить, где он слышал это название раньше. Он слышал имена героев, таких как Ромео и Джульетта, и не узнавал их, он не понимал, кто это, ему казалось, что он никогда в жизни не слышал эту историю, и не знает этих персонажей. В чем-то он был прав. ТАКУЮ историю, он не видел никогда в жизни.

Диме казалось, что декорации вовсе не декорации, а реальные кварталы реального города, что одежда людей вовсе не костюмы, а настоящая одежда. Казалось, что вот-вот те люди, которые стоят на сцене выпрыгнут, и пойдут по городу как будто бы они живые. Дима замирал, у него не было никаких сомнений в том, что если он подойдет к актерам, то ему обязательно нужно будет выбрать одну из сторон иначе его поколотят и те и другие. Граница между реальностью и вымыслом стерлась, актеров не было, сцены не было, никого не было, это была жизнь, будто бы Дима подглядывал в замочную скважину за соседями. Он растворился в пьесе и перестал осознавать себя, всё, что происходило с ним до этого

перестало существовать, он был увлечен только событиями, которые происходят с главными героями.

Глава 13

Эти люди не играли, никто из них на знал, что вообще такое «играть»? Нет, на сцену выходили Ромео, Джульетта, Тибальд, Меркуцио и жители городка. Кузнецы, купцы, знатные вельможи это были именно они. Это не были актеры, это были реальные люди. Пусть они говорят в стихах, ну и что, вот так вот им хочется. Что с того? Нет-нет, никакой это не текст, это живые люди, самые настоящие.

Не потрясающая актерская игра, нет, потрясающая жизнь! С каким мастерством, с каким владением словом, телом, речью... если в жизни мы часто говорим под нос, жуем слова, то здесь было выведена каждая буква, каждый звук. Если в жизни мы горбимся, сутулимся, то здесь все выглядят органично и красиво, так, что на них хочется смотреть. Если в жизни мы делаем жесты мелкими и не задумываемся, то здесь каждый взмах рукой наполнен, увеличен и утрирован так, чтобы стать максимально выразительным. Нет-нет, это не переигрывание, это выразительность, та актерская выразительность, которая нужно для того, чтобы превратить правду жизни в красоту сцены.

Это невозможно сыграть, этому невозможно научить, это может быть только в груди. Этот огонь должен гореть, эта страсть должна пульсировать. Тебе, дорогой читатель, я открою секрет этих актеров, да это занятия, да это репети-

ции, но самое главное – это безумная любовь к своему делу, страсть, которая разрывает грудь, вырывается наружу и увлекает каждого зрителя за собой. У каждого в глазах были искры, актеры получали искренне, неподдельное удовольствие от того, чем занимались и отдавались процессу без остатка. Они растворялись в спектакле и больше не были собой, они действительно становились Роме, Джульеттой, Тибальдом и Меркуцио.

Спектакль пролетел в один миг, два часа растворились в воздухе, будто бы их никогда и не было. По щекам Димы бежали слезы, ведь столько людей умерло, хороших людей, которых он уже успел полюбить. Два клана, наконец поняли, что вражда – не лучший способ жить вместе, и зрители, надеюсь, поняли это тоже. Многие плакали, те, кто был более стойким, просто грустили. Но потом начался поклон, мертвые ожили, грусть сменилась на радость. Люди хлопали, сбивали ладоши, но продолжали хлопать. Вперед вышел тот самый, лысы и высокий, вытянул свою большую массивную руку и еще раз показал на артистов, артисты еще раз поклонились. Некоторые из них спрятались за кулисами и выбежали в толпу, держа шапки в руках. Бросали кто сколько может, кто рубль (вся мелочь, которая была в кармане) кто бумажную, кто несколько монет, никто не остался равнодушным. Вечерело. Дима только сейчас понял, что от неподвижного стояния на одном месте, его ноги затекли.

Но награду артистов прервали появившиеся из ниоткуда

стражи порядка. Зрители увидели их и начали потихоньку расходиться, зеваки отошли в сторону, видимо начиналось еще одно представление.

За несколько мгновений большая половина труппы куда-то испарилась. Остались только самые стойкие. В тот момент, когда появилась полиция, к Диме как раз подошел один из артистов со шляпой в руках. Артист окинул взором приближающихся полицейских, глянул в шляпу, в ней было всего несколько монет (он делал уже второй заход), с улыбкой протянул её Диме и куда-то исчез.

Люди куда-то разошлись, рядом с Димой оказались полицейские.

- Попрошайничаем? – спросил полицейский.

Дима хотел было сказать, что он не попрошайничает, но потом посмотрел на шапку с деньгами, которая была в его руках и понял, что отговариваться бесполезно. Он увидел, как полицейские подошли к тому большому и лысому человеку и собираются его увезти, поэтому широко улыбнулся и со счастьем в голосе сказал:

- Да! Я попрошайничаю!

Полицейские переглянулись, пожали плечами и попросили Диму пройти.

В автозак забрали всего четыре человека, остальных отпустили, потому что с шапками ходили именно четыре человека.

- А ты кто? – спросил лысый мужчина.

- Я? Я стоял и тут один из ваших мне дал шапку и.. вот, - он пожал плечами и легонько улыбнулся.

- А. Это Митька, наверное, всегда первым исчезает как что. Ты не переживай, нас привезут, пожурят и отпустят. Тебя как звать?

- Дима.

- Владимир. – Голос Владимира прозвучал крупно, низко, а буква «р» прокатилось в воздухе немного больше, чем это бывает обычно. – Мы театралы. Спектакли играем.

- Да, я видел. Мне очень понравилось, спасибо вам большое за представление.

- Да, это не мне, это ребятам, - сказал Владимир и кивнул на артистов, которые сидели в одежде 15 века с совершенно невозмутимым видом. Они выглядели так, будто бы ехали в автобусе домой, после очередного представления.

Дима помолчал, но потом собрался с силами, и спросил:

- Скажите, вы так играете, я видел, видел, вы так играете! Так же никто не играет кроме вас! Вы прямо живете, вы прямо... у вас глаза горят. Как вы это делаете?

Владимир провел по лысине, она немного зашуршала.

- Да легко. Каждый! Я готов руку отрубить за это, каждый! жить без этого не может. Понимаешь? Каждый кто у меня играет любит театр всем телом, от головы и то кончиков пальцев, на ногах, да и на руках тоже. Вот здесь вот, вот здесь! – и он начал бить себя кулаком в грудь, — вот здесь вот г-о-о-р-и-и-т! - от ударов буквы раскатывались, - пони-

маешь! Вот оно брат как. По-другому никак.

Дима сделал еще одну паузу и еще более неловко замялся, но уж очень ему хотелось спросить, уж очень ему нужно было спросить. Он, собственно, поэтому и попал сюда, чтоб прикоснуться к чудесному миру и узнать ответ на свой вопрос:

- А как вы поняли, что вы хотите заниматься именно театром?

- Я? Проснулся один раз с попойки, голова раскалывается, во рту будто бы кошки насрали, ну и думаю, буду артистом. И как меня переклинило! И всё, на всю жизнь. Понимаю, что не могу без этого. Если за день ничего не сыграл – кусок в горло не лезет.

- Просто так? В один прекрасный день?

- Ну да, в один прекрасный день. А ты как хотел? Чтобы день ужасным был? Или ночь, может быть? Я сначала и грузчиком, и колбасу продавал, где только не работал, а потом, в один прекрасный день, раз, и всё как-то само-собой. Простенько.

Приехали в участок. Отпускать попрошаек просто так не захотели, потому что они устраивал беспорядки. На самом деле никто беспорядков не устраивал, но слушок прошел. Поэтому их оставили переночевать. А вместе с ними и Диму.

Во время ночевки Дима узнал, что у эти ребята уже 5 лет занимаются театром. Что дело они это очень любят и хотят во что бы то ни стало сделать свой, стационарный театр. Они

выступали, где придется, где пустят, Владимир договаривался, чтобы их пускали в дома культуры. Директоры домов культуры были своенравными людьми, и бесплатно помогать развитию культуры не хотели, поэтому требовали 50% и еще требовали, чтобы в зале обязательно был зритель. С учетом всех расходов артисты почти ничего не зарабатывали.

- А представь, как было бы круто, если бы у нас свой театр был? А? Никто бы нам ничего сказать не мог, никаких правил, ничего.

Был опыт работы с местными театрами. Брать в аренду их площадку это вообще гиблое дело, никаких денег не хватит, уж больно они жадные. Эти директора привыкли, что у них выступают всякие звезды и газовые компании проводят корпоративы, у клиентов деньги есть. А помочь своим братьям театрам, что-то никто не хочет.

- Я машину тогда продал... первый раз, - говорил Владимир, - ничего, думаю, заработаем еще. Правда машину потом купить пришлось, похуже, раз в 7 дешевле, без машины никак. Костюмы возить, реквизит. Вот. Пробовали работать по концертным площадкам. С ними получилось все лучше, чем с братьями по культурному ремеслу. Им было плевать кто там, что там, им было нужно только заплатить, брали они меньше, что было удивительно. Ну, мне тогда пришлось просить ребят тоже деньгами помогать. У меня уже не было. На полном серьезе. Деньги – это дело такое, попросить попросил, но сказал, что это не принуждение. Помогли. Потому

что так же, как и я, жить без этого не могли. Страшно было, ужас. Получается, что всё, последний спектакль. Надеюсь, искренне надеюсь, что получится, но вот это вот стыдливое чувство в кишках говорило, что ничего не получится. Люди даже пришли. Нормально так заработали. Но все равно раздать долги не хватило. Ребятам отдал, сколько было, сам остался по уши должен. Ну думаю, всё. Конец. Любовь и энтузиазм — это конечно хорошо, но без денег театр не построишь.

Владимир откинулся на стену и закрыл глаза.

- Я лежу и понимаю, что всё. Это был последний раз. Пора искать работу. Уже планы строю, ну сколько. Ну лет пять поработаю, там по детским утренникам, может по свадьбам, все отдам. На коплю и снова. А люди? Заново собирать людей, это беда. Все сначала. Ну, думаю, хрен вы меня сломаете. Хотел уже начинать искать, где нужны номера на свадьбу или еще какое подобное дерьмо. И тут мне звонят из администрации площадки, на которой мы выступали. Говорят, что люди звонят спрашивают, а будет ли второй концерт. Я в шоке. Сарафанное радио пошло. Мы так сыграл, что про нас говорить начали. После этого они там рекламу дали, за свой счет и мы пять спектаклей бахали, все хотели прийти посмотреть на нас. Вот это был кайф. Все-таки всё было не зря. И то, что мы по ДК шлялись, по одному, по два человека в зрители набивали, что по дворам попрошайничали, все на пользу пошло. Если бы мы не нашли первых людей, они бы

не пришли на первый спектакль, а потом не рассказали бы никому, и никто не позвонил. Поэтому вот это вот всё копошение в говне, оно на пользу. Ну и всё. Решили снять место, сделать свой театр. Нашли помещение. Это было офисное здание и вот первый этаж его хотели оборудовать под театр.

Владимир стиснул челюсть и начал говорить сквозь зубы.

- И вот такая штука вышла, всё было готово, я уже снова кредитов набрал, много денег надо было, сейчас вот думаю, сделаем ремонт и будем играть. Люди будут ходить, всё, мечта сбылась... хер там. Нас выгоняют, потому что там что-то с бумажками сраными не то. Уроды. Нашел юриста, он мне сказал, что с бумажками всё то, просто кому-то это место надо, вот и всё. А я понимаю, что место в центре почти, что, если, где еще начнем – труба. По подвалам, нет уж, слишком долго шел к этому, если начинать, то начинать по-крупному. Начали бороться. Всё вынесли, начали делать ремонт – хер. Пришли приставы опечатали помещение. Мы не сдаемся. Вот играем спектакли, на улице, показываем, что нам насрать на всех. Что нас не сломить. Надо будет, будем играть на улице. Пусть все знают, что нам похеру! – он закричал в коридор, чтобы слышали сотрудники, - ниче. Мы без боя не сдадимся. Ой не сдадимся. Как в детстве, морда расквашена, кулаки в кровь, а ты стоишь и не сдаешься.

Приехала машина, привезли буйных алкашей, было это часа в 2 ночи. Актеров отпустили. Владимир пожал Диме руку,

- Следи за нами в соцсетях. Заходи на спектакли.

- Обязательно.

Они попрощались и разошлись.

Дима шел и, несмотря на то что пробыл несколько часов в полицейском участке, испытывал чувство радости и трепетного благоговения. Вот они, люди, которые любят своё дело; люди, которые нашли свое призвание, они есть, они существуют, а значит и он, Дима, сможет его найти. Он сможет найти свой путь, чтобы не быть размазанным по сбитенной жизни как серое месиво, а чтобы жить. Жить! Каждое мгновение! ЖИТЬ! Жить и впитывать каждую секунду этой прекрасной, замечательной, восхитительной, великолепной жизни! Жить! Жить! И быть счастливым! Ведь на самом деле это одно и то же! Быть счастливым и жить, проживать каждый день – это одно и то же. Просто нам об этом не говорили, просто нас этому не учили, просто на работе говорят другое. А должно быть именно так, Дима так хотел. Он не знал, что будет делать, но хотел он именно так.

В этот раз он не позволит запудрить себе мозги, в этот раз, он соберется с силами и уйдет. Его не остановить ничем: ни долгом, ни проблемами в компании, ни зарплатой. В этот раз он пойдет за мечтой, что бы ни случилось. Чего бы это не стоило, что бы это ни значило.

Хороший план, Дима. Хорошее стремление. Вот только случается, что жизнь преподносит нам такие сюрпризы, после которых сложно встать на ноги. Про них, дорогой чита-

тель, я расскажу ниже.

Глава 14

Дима шел на работу в полной уверенности, что сегодня будет именно тот день, который изменит его жизнь. Нет, он не был уверен, он точно знал, что пора положить этому конец, он увидел людей, которые живут, и хотел так же, он твердо решил, что будет именно так и никак иначе, он твердо решил, что не поддастся ни никакие уговоры.

Всё утро он провел в благоговейном трепете, ведь сегодня должна была измениться его жизнь. По дороге на работу он волновался, Дима был готов к битве, первый раз в жизни, он был готов дать отпор по-настоящему, без всяких сомнений, без шагов назад. Он был готов идти вперед несмотря ни на что.

Но он не знал того, что уготовила ему судьба. Есть ли она, существует ли это понятие? Все ли предначертано, или человек волен выбирать свой путь? Мистики скажут, что судьба есть. Но факты говорят о том, что мир безжалостно случаен, и все события в нем порождения случайного движения молекул. Да-да, именно молекул, все начинается с них. Несколько молекул воды, случайным образом соединяются вместе в облако водяного пара, потом группы таких молекул приходят в движение, образуется электрический заряд, облако движется над землей, под воздействием силы ветра и в какой-то момент, абсолютно случайный, происходит разряд.

Молния бьет в землю, и дерево разлетается на куски.

Судьба ли это? неужели какая-то небесная канцелярия предписала уничтожить конкретно это дерево? Никому до этого дерева и дела нет, если уж небесная канцелярия и существует, то у неё дел невпроворот с человеческими проблемами. А тут дерево. Получается. Дерево разлетелось на куски случайно.

Но если дерево разлетается случайно, то почему судьба человека должна быть predetermined? Если точно такие же случайные движения капель воды, приводят в движение точно те же самые силы. Точно такие же движения, только уже других молекул в организмах других людей, и электрических разрядов в их мозгу, приводят к тем или иным последствиям, и все эти процессы случайны. Если рассматривать все события, с точки зрения судьбы, то какой-то великий инженер сумел просчитать всё, вообще всё, просто всё, движение каждой молекулы, движение каждого атома, относительно друг друга, в каждый момент времени. Это невозможно. Количество молекул во вселенной велико, и сложно предугадать движение даже десятой части всего этого многообразия.

Людам хочется надеяться на то, что их жизнь кому-то нужна, они хотят переложить ответственность на Судьбу, они не хотят верить, что лично с ними что-то может произойти случайно. Они ведь ЛЮДИ! Великие и единственные и других таких нет.

Чрезмерно раздутое это не дает позволения думать, что несчастья происходят случайно, не зачем и не почему, просто случайно. Нет причин, нет последствий, нет великого замысла, все события происходят случайно, никому они не нужны. И от этого становится безумно горько, самые великие порывы, могут быть разбиты, раскрошены и разожжены о случайность. Бессмысленную, беспощадную и глупую случайность.

Дима подходил к офису. Рядом стояла пожарная машина и машина скорой помощи, чуть поодаль стояла полиция. Людей было не много, всюду были следы от луж.

Дима поднял голову и увидел, что весь третий этаж его офиса сгорел, каждое окно, за которым он когда-то работал. В одном из окон, когда-то, стоял его стул, сейчас там лежит обугленная куча пластика и железа. Дима вспоминал как буквально вчера за этими окнами ходили люди, буквально вчера они сидели и уныло смотрели в одну точку, а сейчас всего этого не стало. Всё сгорело.

Бессмысленная случайность уничтожила всё. Всего этого больше нет. Дима поймал себя на мысли, что не нужно объясняться с директором, что вот таким вот жестоким, но действенным способом, все его проблемы были решены. Что он наконец свободен, что он больше не должен ходить сюда, все уничтожено, никто никому ничего не должен, а вместе с ним еще несколько десятков людей почувствуют свободу. Он стоял, смотрел на сгоревший офис и улыбался. Он про-

шел мимо столпившихся сотрудников, они пришли к началу рабочего дня, но идти было некуда. Когда Дима подошел они затихли и уставились на него. Он плыл, и улыбался, сладко, приторно, гадко. Как улыбается психопат, который собирается убить свою жертву. Люди замерли. И испугались, Дима шел мимо и не обращал внимания ни на кого. Он наконец был свободен. Крылья отрастали, он отрывался от земли, летел, ... и пугал окружающих своей улыбкой.

Но полет был внезапно прерван появившимися сотрудниками полиции. Рядом с ними стоял Чернов, и нарочито виновато показывал на Диму. Даже Иуда во время предательства Иисуса не вел себя так продуманно. Чернов вздохнул, будто бы ему пришлось сделать то, что он сделал, будто бы Дима был его любимым сотрудником, но другого выбора не оставалось.

Полицейские посмотрели на Диму, на то, как Дима любит сгоревшим офисом, на то, как он улыбается и сделали несколько замечок.

Всё произошло очень быстро, Дима даже не успел понять, что произошло. Началось следствие, и оказалось, что Дима хотел уволиться, было соответствующее заявление, которое Герман Андреевич сохранил по чистой случайности. Дима припомнил тот момент, и припомнил, что это не было случайностью, заявление он спрятал намеренно. Быстро оказалось, что Чернов, не уговаривал Диму остаться, а пытался его облагородить, что он видел, что с Димой что-то

происходит, и боялся, поэтому вызвал его на беседу, чтобы уберечь и Диму и компанию таким бескорыстным шагом, но, благими намерениями вымощена дорога в ад. Появились показания коллег, которые подтвердили, что в последнее время Дима был сам не свой, заводил странные разговоры, и плохо выполнял свою работу.

Внезапно Дима начал сам себя подозревать, все выглядело очень ладно и стройно, всё было идеально подточено, будто бы не так случилось, не случай возымел место, а кто-то разыграл все по нотам, вовремя сохранил заявление, вовремя натолкнул людей на мысль, что с Димой что-то не так. Слишком странно. Дима вспомнил, что Женя говорил, про беду в компании и пазл, кажется, начал сходиться.

Когда ты маленький человек, тебя могут растоптать люди по больше. Ходили слухи, что Чернов участвовал в схемах по отмыванию денег, и справлялся со своей работой хорошо. Если в деле замешаны большие люди и большие деньги, то маленькому человеку делать нечего.

Маховик раскачивался, и махал своей безжалостной кувалдой все сильнее и сильнее. Над Димой нависла страшная угроза. Да, наконец, он изменит свою жизнь, только заниматься он будет не любимым делом, а тем, чем скажут заниматься, просыпаться будет в то время, в которое скажут. Появилась очень большая вероятность того, что Дима навсегда лишится возможности делать то, что хочет.

Случайность? Вот как бывает. Случайности случаются и

эти самые случайности, могут не просто изменить жизнь, они могут её сломать. Они могут растоптать человека и уничтожить. Теперь Дима думал не о том, как найти любимое дело, а о том, как спасти свою жизнь, о том, как спасти свою свободу.

Появился Женя, помог с адвокатом, помог через свои связи, дело начало завязать и не уничтожило Диму за секунду. Оказалось, что не хватает последнего пазла, всё было против Димы, но не было прямого доказательства в организации поджога. Обыск квартиры не показал ничего, анализ одежды не показал зажигательных веществ или взрывчатки, он был чист. Ни одна его покупка не была связана с огнем, ни в одном магазине не видели его, чтобы он покупал большие объёмы огнеопасных и взрывчатых веществ. Всё, кажется, начало налаживаться. Всё, кажется, стало на вои места.

Началось слушание дело.

- Виновен. Приговаривается к исправительным работам. Приставить Евгению Евгеньевну.

- Извините, - сказал Дима, но я же этого не делал. – Это разговор состоялся наедине с судьей.

- Молодой человек, - сказал судья, - вам очень повезло, что у нас есть Женя. Вас хотели посадить, и на долго. Поэтому скажите спасибо, что исправительные работы, а не тюремный срок. И запомните, я вам это этого не говорил.

Осуждён. Осуждён за то, чего не совершал. Спасибо, что не посадили, действительно, большое спасибо. Радоваться

надо, ведь надо? Ведь надо? Наверное, надо. Но почему-то от этого счастья на языке остался привкус горечи.

На следующий день в кабинете он встретился с Евгенией.

Это была она. Он её сразу узнал. Сколько прошло времени? Год? Полтора? Это та самая девушка, с безумными кудрями, которая ехала в метро. Она, да, та самая, с горящими глазами, с ясным лицом и пульсирующим сердцем. Да, это точно она, только сейчас она в форме, и её волосы убраны. В аккуратную косу, но всё равно торчат.

- Женя.

- Дима.

- Дмитрий Исков, я знаю, я читал дело.

- А у меня друга зовут Женя.

- Ага, круто, значит смотри. Короче тебе повезло. Ты не будешь заниматься вот этой вот всякой хреней и всеми делами, потому что у меня программа особенная. Я типа за тобой присматриваю, и если я пойму, что ты всё-таки козел, то тебя отправят на нары. Поэтому у тебя нет другого выбора, кроме как мне нравится. Хренью заниматься мы не будем, все будет по делу. Но делать ты это будешь должен. Нет, ну опять же, можешь дать заднюю, я расписываюсь и всё. Прощаемся. Ты едешь в места не столь одоленные, а я ищу себе нового друга понял?

- Ничего не понял.

- Ну сейчас я тебе разьясню подробнее.

Глава 15

Женя оказалась сумасшедше маньячкой. Она переспала с нужными людьми, и совершенно этого не стеснялась, даже гордилась тем, что добилась своего, и ей дали эту должность, от части она сама её придумала. Это экспериментальный способ работы с преступниками, который, по идее, должен был показать виновны они или нет. В труде, в работе, человек раскрывается. Можно спрятаться от правосудия один раз, притвориться хорошим. Но в реальной жизни червоточинка рано или поздно откроется. Тогда сидеть будут только те, кто реально виноват. Высокопоставленным друзьями Жени такой план нравится, и она им нравилась, и ей удалось обустроить свой собственный безумный и маленький концлагерь.

Люди, которые попадали к ней были обречены делать всё, что она прикажет, а приказывала они работать в разных местах. Ей доставляло удовольствие искать новые места для работы, она просто была помешена на этом. Как обжора, может без остановки закидывать в себя еду, так и она была просто сведена с ума, зациклена, сдвинута на смене места работы... и ей нужен был напарник. Одна она не чувствовала такого азарта, а вот с кем-то... только нормальные люди хотят построить карьеру и не хотят скакать с одной работы на другую... по собственной воле.

Поэтому Женя выбивала себе рабов. Это называлось исправительными работами, испытательным сроком и всем таким на свете. Но, по сути, это было игрой: если Жене нравится – человек не сядет, а если нет – то жизнь человека будет изуродована.

- Все садились, все кто до тебя был – все садились, не проходили проверку, - говорила Женя, - а знаешь че с такими как ты в тюрьме делают?

- Не знаю.

- Мыло крепко держишь в руках?

- Мыло, какое мыло?

- Жидкое, ё-моё.

- Не знаю.

- Приходит большой клону, надувает шарик, и начинает по нему вот так вот скрести мокрой ладошкой, чтобы в ушах резало, но остановить ты его не можешь...

- Чего?

- Это я шучу так. Жопа в тюрьме, братан. Лучше туда не соваться. Ты работу хочешь нормальную найти? Перехочешь. Как думаешь, много женщин хочет с сидельцами встречаться? Я вот не хочу. Ну и туберкулез там, стоматология... короче, поверь мне на слово, лучше туда не это.

- Понял.

- Ну так и отлично. Значит мы поладим с тобой. Значит делать будешь всё, что я говорю. Всякой мерзости я не требую, все в пределах нормы. На лицо садится не буду, даже

если тебе этого самому сильно захочется. Будем работать с тобой.

- Хорошо.

Так вот что за искры были тогда в её глазах. Это не желание жить, это сумасшествие, это искры, которые бывают в глазах у маньяка, это искры помешенного человека. Лучше бы он тогда их не видел, лучше бы он их никогда в жизни не видел, лучше бы он их и сейчас не видел... Но выбор был не велик.

Дима решил узнать про эту девушку побольше. Он подошел к дежурному у входа в участок и спросил:

- Извините, а можно у вас спросить, вот некая Евгения, она...

Не успел он договорить, как человек за стеклом начал быстро мотать головой из стороны в сторону, а в след за головой, болтались и его широкие щеки.

- Нет-нет. Нет-нет-нет. – Говорил он, - нет. Нет. А-а. Нет.

Этот человек за стеклом изменился в лице стоило только сказать её имя, он начал прямо дергаться, у него даже судороги пошли по лицу. Одно имя. Если имя господина излечивает неизлечимо больных, то имя Жени приводит в ступор здоровых.

Женя сказала Диме прийти в 9 утра на остановку автобуса «Новатор». Что предстоит делать Дима не знал, но чувствовал, что ему предстоит что-то нехорошее. Теперь он проснулся не пустым, и не волочился по улицам, он не смот-

рел в лица людей, он думал о том, чтобы всё это поскорее закончилось. Наконец, за долгое время, у него появилась цель в жизни, самая настоящая цель, направление, вектор: избавиться от этого всего побыстрее, распрощаться, сделать так, чтобы больше никто ему не указывал как жить и что делать. Дима даже краем мозга начинал подумывать о том, что большое видится на расстоянии и всё познается в сравнении, быть может в его работе было что-то хорошее, быть может в ней был смысл, по крайней мере это не было открытым рабством. Теперь он должен был выполнять желания какой-то не совсем адекватной женщины.

Женя уже стояла на остановке. Она подняла запястье и посмотрела на часы.

- Ты опоздал на пять минут. – Сказала она.

- Да я... просто

- А мне плевать, просто или сложно. Чтобы такого больше не было, понял? Первый звоночек, у тебя все шансы отправиться в тюрьму

Дима погрузился и затих.

- Смотри сюда. Сегодня у нас первое задани. Я же сказала, что не буду делать всякую дичь. Мы будем работать. Что ты ответишь, если я тебе прикажу искать новую работу.

- Э. Как же я это так ну?

- Ответ не верный, минус пятьдесят очков Гриффиндору, кто-то скоро отправится за решетку. Две ошибки за день, не дурно. Если я тебе скажу искать работу первое, что ты отве-

тишь – меня не возьмут. Ты будешь ныть, что ну как же так ведь там везде все уже есть, а я, я такой маленький и щуплый и вот. Хер ты угадал. Первое задание работа расклейщиком объявлений. В девять пятнадцать приедет машина.

Наступило девять пятнадцать, приехала машина, из неё вышел человек, со стопкой бумаги и банками с клеем.

- Просись. – Сказала жена.

Дима недовольно сморщил рот и сказал:

- Можно мне с то же работать.

Мужчина, который привез объявления осмотрел Диму с ног до головы и произнес

- 400 рулей час. Клеить в Ясном, по всем подъездам. Понял?

- Понял.

- Поехали.

Он оставил пачку объявлений и уехал.

- Видишь, не такой уж ты и никчемный. По крайней мере расклеивать объявления тебя взяли.

- Ага. – ответил Дима.

Но в этом ага было скрыто то, о чем он не сказал. Взяли то его взяли, вот только он не хотел, чтобы его брали. Он не хотел здесь находиться. Он не хотел ничего. Что было связано с этой девушкой и... с тюрьмой. Но делать было нечего.

Они шли, молча. Женя немного веселела и начинала улыбаться. Дима шел хмурый, еле передвигал ноги, и каждый шаг давался с трудом. А потом начались объявления. Они

подходили к подъездам, намазывали бумажки клеем, и приклеивали их на то место, где когда-то давно было написано «Доска объявлений».

Весёлая работа. Бесконечно монотонная, бесконечно однообразная, повторяющаяся, и нет, не веселая, я соврал. Первые два часа давались очень тяжело. Когда идешь туда, куда не хочешь и делаешь то, что не хочешь и твердо это осознаешь, ноги становятся ватными, и подсознание толкает к бегству. Но Женя была рядом, Женя управлял его будущим и настоящим, поэтому приходилось мазать бумагу клеем, и лепить на доску объявлений.

Они расклеивали бумажки, на которых находилась информация о ремонте сплит систем. «Чиним сплитухи» гласила надпись на черно-белой листовке, а ниже были телефоны. Да. Чувством вкуса дизайнер не обладал. Отдельным вопросом было то, что это объявление вообще не будут читать, но делать было нечего, нужно было лепить. Снова и снова, снова и снова.

Они подходил к одному подъезду, приклеивали объявление, переходили к другому, повторяли процедуру, потом к третьему, пятому, десятому. Сотому. Дима начинал уставать.

- Не ссы, - сказала Женя, - скоро обед.

Но до обеда было еще долгих полчаса. Поэтому приходилось шагать, поднимать бумагу и наносить клей. Руки уже покрылись клеевой жижей, но при этом, приноровились от-

соединять лист от листа, быстро мазать и быстро клеить.

В очередной раз, когда они клеили объявление, из подъезда вышел мужик, с опухшей рожей и с огромным пузом.

- Вы че? Сказал он.

- Мы объявление клеим. – ответила Женя.

- Да я вам щас так отклею... !!! мужик начал кричать матерные слова, говорить о то, какие физические расправы он учинит над их телами, указывал им направление движения, и просто поливал отборными ругательствами.

Дима вжал голову в плечи. Женя весело улыбалась, кивала и шла дальше, к следующему подъезду и продолжала работу. Злобный мужик уже был далеко.

Да этих людей можно понять, они борются за чистоту своего подъезда, они борются за спокойствие. Но что беспокойного в том, что они будут знать, к какому мастеру обратится, если сломается кондиционер?

Дома шли один за другим. Накладывались друг на друга и сливались в один дом. Это действие было точно таким же бессмысленным однообразием, как работа Димы, только в этот раз в качестве бессмысленного однообразия выступала не точка в центре экрана, а точка у каждого подъезда.

В этом районе входные двери подъезда засирались рекламой постоянно и люди были страшно недовольны. Вышел еще один мужик, трезвый и с ножом в руке.

- А ну, пошел вон отсюда - кричал мужчина, а Дима с Женей уже уносили свои нога подальше.

- Да, этот дом не получится. – говорила Женя. – Ничего, пойдем дальше. Вообще рекламу не очень любят, но искусство требует жертв.

Они ходили по дворам, переходили из одного подъезда в другой. Просто ходить – это не сложно, когда с тобой листовки и банки с клеем – это немного сложнее, когда это нужно делать весь день – приходит утомление. Они почти не разговаривали, в скором времени после начал работы Дима впал в автономный режим и думал только о том, как бы побыстрее это всё закончить, как бы сделать так, чтобы этого не было, как бы спрятаться и убежать.

Изредка он, как бы снизу, поглядывал на Женю, в надежде на то, что она захочет пойти домой, но она не хотела. Она как сумасшедшая улыбалась и продолжал работать

- Вы че суки! – раздался крик, Дима с Женей обернулись. Во дворе, прямо на против подъезда, у которого они сейчас работали, стояли трое молодых людей, в спортивных, - а ну хватит срать на наш дом.

- Бежим, - сказала Женя.

- Чего? – ответил Дима, но разу же все понял, потому что Женя бежала вперед. Дима побежал следом, обернулся и увидел, что за ними бегут те трое пацанов.

- Бросай! – прокричала Женя и скинула сумку с объявлениями, Дима последовал её примеру. Обувь громко шлепала по асфальту, будто бы на каждой лапке сороконожке были кроссовки. Стало тише Дима обернулся и увидел, что пре-

следователям было на много интереснее рассматривать сумки с бумагой, чем бежать за Димой и Женей.

Они отбежали достаточно далеко, Женя смотрела сквозь кусты.

- Что-то у меня какое-то дерьмовое предчувствие. – Говорила она, - если бы они были «озабоченными гражданами» то они бы догнали нас, и объяснили нам что так делать не стоит, может быть дали по башке, а эти... Пойдем.

- Куда? Они за нами гнались, ты чего?

- Кто-то хочет сесть?

Дима молча пошел за Женей. Они аккуратно выглянула и начала следить за обидчиками. Они разводили костер, чтобы сжечь все что отобрали. А рядом стояли их собственные сумки.

- Вот козлы. – Сказала Женя. – Если бы они за подъезд беспокоились, я бы поняла, может быть даже простила, а может быть даже и отпустила, но эти козлы – наши конкуренты. Нужно их проучить. Что думаешь? Бежать? Или все-таки у тебя есть хоть какое-то чувство справедливости?

- Ну получать я, конечно, не хочу, но то, что это не красиво, отрицать не буду.

- Дай подумать. Тебе нравятся песики?

- Песики?

Рядом бегала стая бездомных собак. Они там проводили дегустацию ароматов друг дружкиных задниц. Женя подбежала шандарахнула палкой рядом с собаками, а Дима начал

орать. Собаки сначала посмотрели на этих странных людей с недоумением, а потом начали гавкать во все свои собачьи глотки. Последним этапом безумного и опасного плана была пробежка. Собакам нравится, когда что-то от них куда-то бежит, поэтому они с удовольствием побежали за Димой и Женей.

Трое парней разводили костер. Где-то рядом послышался собачий лай. Из-за угла дома показались Дима с Женей.

- О, это те дебилы. – Сказал один из них.

- Щас мы им.

Они уже было собирались начать драку, но как только увидели бегущую за ними стаю собак, не поверили своим глазам. То, что они видели, не поддавалось объяснению.

Парочка героев пробежала мимо бандитов и собаки сменили цель. Желание разводить костер куда-то пропало, желание разносить листовки тоже улетучилось, появилось желание куда-то бежать, но собаки уже были слишком близко. Парни бросили на утек, но получали укусы за укусом. Их ноги покрылись кровавыми следами, одного из них даже укусили за задницу. Вдоволь накусавшись собаки отстали, а троица бандитов исчезал за горизонтом.

Женя стояла перед большим костром и жгла бумагу и сумки конкурирующей фирмы. Рядом лежали собаки, и ели колбасу, которую принесла им Женя в знак примирения.

- Собаки, они нормальные, не агрессивные, пришлось им немного помочь. Человека можно довести до того, что он

начнет кусаться, а это же животные, просто не надо их бить и всё будет хорошо.

Дима стояла, бросал в огонь листовки и испытывал чувство ликующего удовольствия. Тот редкий момент в жизни, когда виновные наказаны, и справедливость торжествует.

- Хорошо получилось, - сказал он. – Хоть их и жалко немного.

- Да они всему району покоя не давали, не надо их жевать. Получили то, что заслужили. Не надо было меня трогать. Потрогали? Я их покусала за жопу.

Они помолчали, посмотрела на огонь и вылетающие из бочки горящий листы бумаги.

- Ты нормальный чувак, - сказала Женя. – Ты понял в чем смысл то был?

- В том, что не нужно бить бродячих собак?

- Нет. В том, что, если тебя на такую работу взяли, значит и на другую возьмут, чуть-чуть получше. Не нужно ссать. Нужно искать и тогда найдешь. Что-то, да найдешь.

- Это какая-то рабочая религия?

- Типа того. Возможно, так и есть. После первого дня я тебя не посажу. Завтра ночью приходи на стройку, будет посвящение.

- Зачем?

- А потому что мне нужно твое полное подчинение. Сейчас ты делаешь то, что я скажу, потому что боишься, что я тебя отправлю в тюрьму. А мне надо, чтобы ты сам согласил-

ся, поэтому будет посвящение, клятвы, кровь, свечи, пентаграммы, все дела.

- Смешная шутка.

Дима подумал, что это шутка, но на самом деле это была не шутка. И ночью, на стройке его ждал самый настоящий обряд.

Глава 16

Весь следующий день Дима провел в спокойствии. Он не думал ни о Жене, ни о предстоящем посвящении, он даже не думал о том, что не знает, чем заниматься в жизни. Стало легче.

Великолепное, чудодейственное слово ТРУД, которым в советском союзе лечили все болезни, действительно возымел эффект. Трудом лечится не всё, Диме удалось вырваться из порочного круга пережевывания собственных мыслей.

Страх пришел только вечером, когда он понял, что скоро посвящение. Ещё страшнее стало тогда, когда Дима понял, что деваться некуда. Идти придется. Можно, конечно, остаться дома, только потом будет мучительно больно, за годы, проведенные в неволе.

Дима пришел на место в 12 ночи. Место было совершенно подходящим для таких целей. Старая заброшенная стройка. Это здание начали строить еще в советском союзе, а потом не закончили, и от него остался обглоданный кирпичный череп с чернеющими глазницами пустых окон.

Когда-то здесь ходили люди, здание стояло рядом с производственной частью, но потом заводы закрыли, и горожане перестали появляться здесь вообще. Далекое, безлюдное место, на отшибе – идеально для того, чтобы проводить всяческие посвящения, обряды, инициации, жертвоприношения,

ритуалы, поклонения древним духам и демонам, ритуальные оргии и так далее.

Дима пришел чуть раньше, и ходил вокруг, пытаясь найти пути для бегства, на всякий случай, но чем больше он ходил, тем страшнее становилось. Черный силуэт здания, в не менее черных зарослях был реально жутким.

Вдруг он услышал человеческие голоса. До начала было еще 15 минут, а голоса уже появились. Дрожь пробежала по телу. Он сжался и прислушался. Голоса больше не повторялись. Показалось, ветер, откуда здесь взяться людям, если только они не Женя.

В назначенное время в назначенном месте появилась она, в черном балахоне.

- Пошли. – Сказала она и вошла в черный дверной проем.

Когда стены здания надежно скрыли Женю, она вынула из рюкзака факел и зажгла его. Теперь развалины освещались теплым красным светом, а узкие стены напоминали средневековые катакомбы, по котором волокли своих жертв инквизиторы.

- Атмосферненько здесь, - сказал Дима.

Женя не ответила, даже не повернулась.

Они шли ко коридору, который казался бесконечным, петлял поворачивал и будто бы специально был создан для странных ритуалов. После очередного поворота Женя скрылась в дверном проеме. Дима оказался в большой комнате. Женя начала устанавливать факелы на стены и зал окрасился

в бледно желтые тона. На стенах, в ритуальном танце, двигались тени от дергающихся языков пламени.

Женя достала из рюкзака банку и кисточку. Через мгновение на полу появился огромный кровавый круг, внутри которого были помещены странные символы.

- Раздевайся. – Сказала Женя.

- До гола?

- До трусов. Мне твоя пипирка не интересна.

Пока Дима раздевался Женя начала говорить.

- Я не сумасшедшая и не сатанистка. У всего этого есть рациональное зерно. Когда человек проходит обряд инициации, он как бы заслуживает, получает через некие усилия свое место в группе. И после этого, он никуда не денется. Потому что отдал хорошую цену. Становись в круг. – Дима встал.

Женя начала опускать кисть в банку и рисовать на теле Димы какие-то знаки.

- Это что, кровь?

- Да. Свиная. – Дима поморщился. – Родственники в деревне держат хозяйство.

Женя нарисовала что-то на лбу Димы.

- А теперь садись на колени и клади лоб на пол. Да вот так. А теперь мы будем ждать, то тех пор, пока не потухнут факелы. Твое тело должно принести себя в жертву.

- Какой же херней я занимаюсь.

- Я не отрицаю, что ты находишься в моем маленьком раб-

стве, но выбор у тебя есть всегда.

- Ага, конечно.

Дима сидел. Ноги затекли сразу. Ночной ветер остудил тело, спину начало тянуть. Он то и дело ворочал головой, чтобы найти более удобное положение, но положение никак не находилось, ноги начали колоть осколки кирпича. Дима только было начал страдать по-настоящему, как факелы потухли. Женя не соврала, все было стрёмно, бессмысленно, но без жести и в разумных пределах.

- Клянешься ли ты никогда не предавать мечту?

- Я?

- Ну блин не я же. Говори клянусь.

- Клянусь.

- Клянешься ли ты всегда идти вперед?

- Клянусь.

- Клянешься ли ты всегда стремиться к большему?

- Клянусь.

- Клянешься ли ты никогда не оступаться, никогда не идти на сделки с совестью?

- Клянусь.

- Клянешься ли ты никогда не предавать меня?

Дима замешкался.

- Эй, Алло, ты че?

- Клянусь-клянусь.

- Пей.

Стакан коснулся Диминых губ, он сделал глоток, это была

водка с томатным соком, видимо, пародия на кровь, а водка, чтобы было противно – было и правда противно.

- Теперь ты посвящен. Нам предстоит долгий путь. Рука об руку. Чтобы не случилось. Какими бы ни были причины нашей встречи, дальше нам придется идти вместе.

- Будто бы женился.

- Нифига. Это на много хуже. Тихо. Слышал?

- Да, это ветер, он задувает, будто бы голоса.

- Заткнись. Слушай.

Где-то в здании были слышны шаги и короткие обрывки слов.

- Это вторая часть посвящение? – спросил Дима совершенно спокойным голосом.

- Нет.

- Это типа шутка такая, что нет, а потом оказывается да?

- Диман, - Женя перешла на тихий шепот, - я тебе клянусь, что понятия не имею, что это за херня.

Голоса приближались. Дима показал на окно, возможно это было одно из тех окон, через которые можно выпрыгнуть, но Женя решила спрятаться в маленькой комнатушке, которая находилась в углу. Голоса приближались. Дима подбежал к окну, выпрыгнул в него, и лег на находящийся под окном козырек. Отличное место чтобы спрятаться. Он хотел позвать Женю, но в зал уже вошли люди в черных балахонах. В руках они держали не факелы, а фонарики, эти сатанисты были современными. Они вошли в помещение и увидели то,

что оставила на полу Женя.

- Братья. – Сказал мужской голос. Диме он почему-то показался знакомым.

По всему зданию замелькали фонарики и начали раздаваться шаги. Люди в балахонах бродили, заглядывали в каждую щель и пытались найти кого-то. Минут через 15-20 толпа вернулась в комнату.

- Тут никого нет.

- Хорошо. Давайте тогда быстрее все сделаем. Нужно быстро осторожнее, здесь чужие следы.

Хорошо, все хорошо, всё обошлось, думал Дима. Сейчас они проведут свой грязный ритуал, не известно, что они будут делать, но явно какую-то ерунду. Проведут ритуал, а потом всё. Потом подождем, пока они уйдут, и всё, всё хорошо. Всё хорошо. Всё миновало, отлично, здорово. Не стоило и бояться. Фух. Главное подождать. Еще чуть-чуть. Женя там. В дальней комнате, они её не заметили. Значит всё хорошо.

- А в дальней комнате смотрели? – сказал один из сектантов и посветил на проход в комнатушку.

- Нет.

- Пойдем.

Сектанты подошли к комнатке, и обнаружили там стоящую, в черном балахоне, Женю.

- Здравсте. – сказала она.

- Здравсте. – Ответили сектанты.

В этот момент из окна выскочил Дима. Ночью, в свете

фонарей его тело выглядело чрезвычайно эффектно. То, что было на его голове даже сложно было назвать лицом, это была какая-то невозможная рожа, которая скривилась так, будто во-вот треснет. Ему было очень страшно, глаза выкатились, рот изогнулся зигзагом. Но больше всего пугало то, что он был весь в свиной крови, и эта свиная кровь была нанесена в виде рисунков. На руках, на теле, на лице кровь почти свернулась, а на неё налипла грязь и куски битого кирпича. Дима был почти голый.

Когда бедные сектанты посветили на Диму, они подумали, что в этот мир действительно пришло что-то типа сатаны. Они начали кричать как дети и бегать в разные стороны.

- Это что за херня?

- А!

- Бежим!

Толпа разбежалась.

Дима подошел к Жене.

- Ну ты дал, - сказала она, - я чуть не родила.

- Да я подумал, что они тебя это.

- Ага.

- Пошли?

- Пошли.

С улицы слышались крики.

- Вы кто такие?

- Будем отвечать? – спросил Дима.

- Мы извращенцы. А вы?

- А мы актеры!

- Не из труппы «Еще раз» случайно? – спросил Дима.

- Да, из неё.

- А где Владимир.

- Я Владимир.

Дима высунулся в окно.

- Помнишь, меня с вами арестовали, когда у вас был спектакль.

- Это ты что ль?

- Ага.

- Мы не злые, отпустите нас.

- Да у нас просто занятия такие, чтобы вжиться в роль. Не бойтесь, выходите.

Ребята вышли.

- Мы типа это, у нас квест, и мы обряд посвящения проводили, а тут вы. – Сказала Женя.

- Капец блин, совпало так совпало.

Ребята сидели в круглосуточном кафе, уже в нормальной одежде. Владимир рассказал, что они пришли позаниматься актерским мастерством, что они готовятся к новому спектаклю, и там есть момент вот такого вот обряда, ну не прям такого, а похожего, и чтобы перенять ощущение таинственности, они ходят на эту стройку и ищут нужные эмоции.

- Поэтому вы так хорошо и играете, - сказал Дима.

- Ага. – Ответил Владимир.

Что на стройке делали Дима и Женя, объяснила Женя. У

неё был готов ответ на этот счет, будто бы она это уже говорила, или часто думал о том, как будет выкручиваться. Она не стала говорить правду, она рассказала о квесте, и обряде инициации, про рабство и подчинение воли, и про то, что Диму могут посадить, она не сказала.

Ребята посмеялись. Владимир пригласил Диму и Женю на спектакль, Дима обещал прийти. Они пожали руки и разошлись.

- Димас, это знак свыше. Ты теперь не просто инициирован, а супер инициирован. Пути назад нет. Завтра начнем играть по-крупному. Завтра будем работать над тем, что ты недостаточно хорош для хорошей работы, что ты ни хрена не умеешь и вообще дурак. А нет, не завтра, завтра нужно отоспаться, я позвоню.

Глава 17

Женя позвонила через 2 дня, в приказном тоне назвала адрес, и сказала, чтобы Дима не опаздывал. Только в этот момент Дима вспомнил, в какой западне он находится. Ведь на секунду, на одну секунду, он подумал, что всё вновь стало хорошо. Совершенно нормальный душевной порыв: спасти человека, любой на месте Димы поступил бы так же, Дима был на своем месте, поэтому так и поступил. И ничего плохого не случилось бы в любом случае, но Дима долго размышлял над тем, зачем он вообще пытался спасти эту девушку? Ведь если бы с ней что-то случилось, то было бы меньше проблем в жизни, а так...

На месте Женя начала проводить инструктаж.

- Так как ты теперь посвященный, слушай. У меня здесь что-то типа секты, или культа, ну, если тебя пугает такое название, можешь называть его кружком, я меняют работы. Это понял, не хобби и не прикол, это почти смысл жизни. Я от этого получаю удовольствие. Прёт меня от этого. Распирает. Понимаешь? Кайфую я. Ташусь прям не могу. Понял?

- Да... - Дима слабо кивнул, - только зачем тебе... я?

- А, ты-то? – Женя замерла, что, бывало, с ней редко. Её подвижная натура никогда не стояла на месте, глаза постоянно перепрыгивали с предмета на предмет, тело меняло положение. А сейчас, после этого самого вопроса она останови-

лась. Смотрела, понятное дело, в никуда, сквозь время, пространство и материю, - а одной скучно, - ответила она улыбнулась и пожала плечами, - а еще, у меня есть план выбора работ, для тебя это реабилитация, ты же всё-таки преступник. Вот в прошлый раз, помнишь, с листовками, это для тех, кто говорит, что не может никакую работу найти – брехня. Какую-то может каждый. Вот тебе и доказательство. А сегодня у нас будет кое-что по круче. Я этого мудака очень долго искала, пошли.

Они двинулись к огромному, стеклянному, сверкающему металлическим блеском офисному зданию. Эта громадина, свисала над входящими, как человек, который разглядывает жука. Если закинуть голову и попытаться посмотреть наверх, то начинается головокружение. На входе, стояли четверо охранников, в черных костюмах, они выглядели так, будто бы не пускали внутрь вообще никого, и из-за них здание было пустым. Но это было не так. Если пропуск есть – проходи, нет – уходи, математика простая.

Женя подошла и молча протянула бумажку, охранник посмотрел на бумажку, потом на Женю, потом на другую бумажку, потом на Диму. Многозначительно кивнул, нажал на кнопку и турникет загорелся зеленым.

- Это что? Банк? – спросил Дима.

- Нет. Я, честно говоря, не знаю, у меня один знакомый устраивался, я про него об этом чуваке узнала, Эрнест Запупов его зовут, то, что мне нужно, нам нужно. Они ручки

продают или типа того, я не знаю. Этот Запупов со своими ручками не затыкается, у него фетиш такой, чтобы ему кто-то ручку продал. Щас мы ему продадим, полную задницу ручек напихаем.

С первого на 17 этаж лифт ехал довольно долго. Двери открылись. Дима и Женя пошли по коридору. Сразу перед ними возникла вывеска, с надписью «Молоко». Это «Молоко» было просторным офисным пространством, в несколько пролетов, и Дима, как-то машинально подумал, что в это красивое мест им и нужно. Не-а. Нифига это было не так.

Пошли дальше. Мимо стали проплывать офисы поменьше. Здесь кто-то возил воду, здесь кто-то обслуживал кондиционеры, Дима шел и надеялся, потому что с каждым шагом офиски становились все мельче и мельче, и заходить в них тоже хотелось все меньше и меньше.

- Дошли, 25 666, Эрнест Запупов, хоть бы название фирмы присобачили, а тут только фамилия. – Женя постучала, - здрасте, мы по объявлению, ага, ждем.

Дима думал, что их пригласят внутрь, но внутрь их приглашать никто не стал, потому что в этом самом нутри было не так просторно, как хотелось, в этом самом нутри уже кто-то сидел, и других людей туда больше не влезало. Они сели рядом, на лавочку. Дима думал, что хоть сам офис будет красивым, кожаные кресла, ковёр, все дела. Женя ковыряла пальцами под лавкой. Она протянула Диме палец, на котором был розовый комок.

- Хочешь жвачку? – спросила она.

- Не хочу.

- Ну и правильно, молодец. Положу на место, вдруг хозяин объявится. – Женя просунула руку под скамейку и водрузила жвачку на свое законное место.

Дверь открылась, из неё вышли двое парней. Вид у них был такой, будто бы они весь день смотрели Хатико и грустили, что-то за этой дверью с ними сделали такое, что вызвало у них резкое погрустнение лица.

Из-за двери что-то задрезбужало:

- Входите. – Буквосочетание мягкой «Д» и «И» этот голос почему-то превращал в «дзи», будто бы показывал своё надменное отношение к слушателю.

Они вошли.

Кабинет был маленький, в нем был стол и три стула. Один со спинкой, на котором сидел Эрнест Запулов и два без спинки, на которых сидели простые смертные, которых заманила в эту коморку нелегкая судьба.

Сам владелец этого помещения, или кто он там был, сидел как настоящий доминатор: он откинулся на спинку, такую роскошь могли позволить себе далеко не все, сидящие в этой комнате. У него были жиденькие ссальные волосенки, сквозь которые проступала кожа черепа, чуть ниже сидел нос огромными ноздрями. Нос этот был задран куда-то очень высоко, наверное, к какой-то из планет. Огромные ноздри тянулись за остальным носом к небу и приподнимали

верхнюю губу так, будто бы Эрнест нюхает что-то очень противное. Он был высокого роста, да еще и сидел на высоком стуле со спинкой, поэтому смотрел на своих визитеров с вы-сока, сквозь немного прикрытые глазенки. Это были мерз-кие глазки, это были глазенки какого-нибудь гада, который хочет поиздеваться над людьми и понимает, что людям от него никуда не деться.

- Меня зовут, Эрнест Амфилохиевич Запупов - Он произ-нес своё имя медленно, торжественно, еще немного и можно было включать гимн Росси, и вместо гимна распевать ФИО Запупова. - Так значит вы, - «вы» было произнесено с осо-бой презрительностью, будто бы перед начальником сидели не люди, а что-то очень мягкое, смердящее и жидкое, - ре-шили устроиться в мою фирму? – он еще сильнее закинул голову и посмотрел на Диму и Женю с еще большей высоты.

- Да, - ответила Женя.

- Понятно-понятно, хорошо. Хорошо, разумеется, не для вас. Я посмотрю ваше резюме.

Дима вопросительно посмотрел на Женю, мол, о каком резюме идет речь. Женя свернула пальчики в «ОКЕЙ» и с улыбкой кивнула, мол, всё на мази, я там такое резюме заба-бахала, что ни один Запупов не прокопается.

Так уж устроена человеческая психика, что мы находим в окружающем мире то, что ищем, а не то, что там есть. Если начать капаться в земле, то можно найти золото, а можно мертвецов. Можно видеть вокруг красоту, а можно видеть

уродство.

Запулов был таким человеком, который везде видел дерьмо, всё вокруг ему было не так и не эдок, все были плохие, все хотели его кинуть и обокрасть, и поэтому он относился ко всем как к предателям, глупцам, обманщикам и пошлецам. Смотрел на всех презрительно и постоянно, постоянно, постоянно говорил окружающим, что они никчемны.

- Да, резюме у вас, конечно, так себе. Опыта почти нет, работали по смежной специальности, а не по нашей. Долго работу уже ищите?

- Всю жизнь, - ответила Женя.

- Оно и видно. С таким резюме, вас навряд ли куда-то возьмут. А что вы о себе написали? «Открыта ко всему новому», знаете, кто открыт ко всему новому? Проститутки. Они и к новому, и к старому открыты, а вы это о себе пишете... молодежь. Да нет, не молодежь, если в голове у человека ничего нет, то тут уже поздно бить тревогу. Сколько хотите получать.

Женя пихнула Диму, но тот молчал, не нравилось ему, что Эрнест Амфилохевич так с ними разговаривал.

- Дима, сколько мы хотим зарабатывать? – спросила Женя.

Дима посмотрел на Запулова. Залулов смотрел так, будто бы Дима вообще был не достоин работать за деньги, даже наоборот, это Дима должен платить Запулову, чтобы работать у него.

- Не знаю, тысяч двадцать... пять... хотя бы.

- Ты че, сдурел, что ли? Ты чего себя принижаешь-то так, надо просить столько, сколько ТЕБЕ. Этот дядя специально так на тебя смотрит, чтобы ты много не просил.

- А молодой человек дело говорит, сразу видно остатки интеллекта. Мутные, небольшие похожие на грязные пятна на лобовом стекле, но всё же они есть. А вот вы, милочка, вы зарываетесь... Вы бы сначала узнали, где ваше место, а уже потом бы просили денег. Откуда вам знать, может ваше место вообще не оплачивается, не на той вы ступени в социальной пирамиде, чтобы чего-то требовать. Другое дело Я! Посмотрите на этот шикарный офис! В самом дорогом здании города! Высший класс, элита, да вы спасибо должно мне сказать, за то, что я с вами разговариваю, а вы... каких-то денег хотите.

- Знаете, а мой друг думает, что он самый умный. – Сказала Женя и уставилась на Диму.

- А вы это очень зря так думаете. В мире есть много людей на много умнее чем вы, вот у вас какой коэффициент умственного развития? Вы даже не знаете, конечно, зачем вам. Если бы пользовались умом и развивались, то знали бы, а таким как вы, тугодумам, никаких коэффициентов знать не надо. Вот у меня 160, тест в контакте так показал, и что вы думаете? Да то, что я умнее 99 процентов пользователей, а значит умнее и вас, возможно вместе взятых. – Эрнест Амфилохевич откинулся на кресло, сделал страдальческое ли-

цо и начал говорить будто бы по-отечески, душевно, - вы же поймите, оно мне надо вот, тратить на вас свое драгоценное время, рассказывать вам вот это вот всё? А? Нет, конечно. Я же ради вас всё это делаю, ради вас, чтобы направить вас на верный путь, вы же заблудшие, бродите, непонятно по каким подворотням, берете в рот всякую дрянь, колетесь, небось... у вас же на лице написано, что вы никогда в жизни ничего не добьетесь, всю жизнь будете прозябать, так и подохните где-нибудь. Если я вас не возьму под крыло, если не я, то ваши тела собаки обглодают. Вы думаете я не видел падения? Знаете, как бывает, люди уходят, а потом одумываются и возвращаются. На коленях стоят, умоляют взять их назад, Эрнест, возьми нас, а я им, нет, раньше надо было думать, опоздали. Так что я вам райское предложение делаю, десятка, каждому, и только тогда, только в этом исключительном случае я еще подумаю. Учтите, жест доброй воли, только потому что вы мне понравились, другие пролетают мимо этой двери со свистом.

Дима был не особо впечатлительным человеком, или каким-то там хлюпиком, он мог постоять за себя, и знал себе цену. Но вот когда человек, который занимает какое-то место в обществе и функция которого – это отбор людей, рассказывает тебе про то, что ты никчем и тебя будут обгладывать собаки, возникает какое-то странное ощущение. Ведь если он видит много людей, разговаривает, постоянно отбирает, тестирует, ищет лучших, то, наверное, его мнение

чего-то да стоит. Дима начинал чувствовать, как на душе скребутся кошки, но кошки не только скреблись, но еще и срали.

Ему становилось страшно от того, что это худощавый и лысоватый дяденька, с масляными волосенками, может быть прав. Ведь он все-таки человек со стороны, ведь ему, может быть, лучше видно. Ведь если он говорит, то он должно быть что-то да понимает, что-то да знает. А самое ужасное, вдруг реально он прав. Не может же человек, который занимает такое место ошибаться. Он же должен хоть капельку разбираться в людях.

Диме становилось не по себе, он посмотрел на Женю и увидел, что эта сука сидела, вальяжно опершись на руку (спинки у стульев не было) и улыбалась. Она улыбалась, ей было весело. ИХ тут смешивают с удобрениями, втаптывают в грязь, тут кошки, а она... улыбается. Что за сволочь, а? лучше бы в тот вечер там и правда были бы какие-нибудь сектанты, и спасти её не надо было, не заслужила.

- Ты кончил? – спросила Женя у Запупова.

- Что простите?

- Я по слогам могу повторить ТЫ КО-НЧИ-Л?

- Нет. Ваша манера разговаривать дает мне новый повод для размышлений о вашей профпригодности.

- Значит если ты сам не можешь кончить, я тебе помогу.

Помолчи пожалуйста и послушай.

- Нет, так не годится, я директор и вы должны делать то,

что я скажу.

- Заткнись, пожалуйста, я тебя очень прошу. По-хорошему прошу, иначе придется разбить последние три стула о твою лысую башку.

В этот момент до Запупов что-то дошло, и он замолчал. Надменный вид куда-то в миг улетучился, он начал смотреть огромными блестящими глазами, как кот в Шреке, жалобно так, будто бы просил его не бить.

- Значит так, Эрнест Залупович, ты чмо и никто тебе это не говорит, потому что тебя все боятся. Люди приходят и думаю, что они тебе чего-то должны, что ты им одолжение делаешь, на работу устраиваешь, вот только ты не угадал. Это мы тебе одолжение сделали, чтобы пришли, и терпела я тебя только потому, что сама этого хотела, Димке надо было показать такого редкостного мудака как ты, ты и правда оказался радостным. А что у тебя за отчество такое дебильное? Амфилохевич, у тебя папу что Лох звали?

Эрнест мелко кивнул.

- Ну ты, конечно, и Лох Залупович... да. После такого все с тобой становится ясно, вот почему ты такой злой и вредный. Тебя бы следовало хорошенько наказывать, но смотрю на тебя и жалко становится. А это че? – Женя взяла со стола фотографию. На фотографии был Эрнест с собакой. – Собака. Смотри, Диман, псина его. Единственный друг походу. Единственный?

- Да.

- Во-во. Я таких чмырей насквозь вижу. В детстве обижали, в юности обижали, во взрослой жизни обижали, и тут они строят свою маленькую империю и начинают отыгрываться на других. Самое дорогое офисное здание, тьфу. Только офис самый маленький, даже стульев со спинками нет... тьфу. Пошли, Диман, нам тут больше делать нечего.

Они встали, развернулись и ушли. Дима слышал один короткий всхлип со стороны Запупова.

- Смотри, Дима, смотри внимательно. Вот такие вот люди тебя и судят, вот такие вот люди тебе отказы пишут, говорят, что ты не подходишь, вот такие вот люди. Бывают другие, не спору, но смысл не в этом. Тебя, такого как ты есть, тебя настоящего, со всеми твоими достоинствами, видишь только ты. Поэтому вся вот эта чешуя, не должна тебя трогать никак. Если обезьяна запустит в тебя какашкой, ты перестанешь быть человеком?

- Нет.

- Ну а что же ты тогда? Я это все проходила. Диман. Смотри в себя, люби себя, знай себе цену. Внутренне, мать его, свечение у тебя должно быть и тебе насрать будет на всех, и на Запуповичей и на Лохов, и на всех остальных. Они не знаю какой ты крутой. Отказывают? Значит сами дураки. Отказ ничего не значит. Нужно все одно единственное «да».

Дима задумался. Прошлись. Помолчали.

- Следующая дурь – это то, что бабло все решает. Будем её из твоей башки выбивать. Но это не сегодня, на сегодня

хорош. Я позвоню. Как всегда.

Глава 18 Еще раз.

ПРИШЛИ ГРАБИТЕЛИ!!!

Дядя Петя дворянин .

От Жени перло какой-то безумной энергетикой. Когда ты идешь по улице, и проходишь мимо толпы, а вся толпа смотрит наверх, ты невольно поднимешь голову, сам, не задумываясь. Так и в случае с ней. Женина одержимость восхищала. Ведь если человек действительно так заряжен, значит он знает, что он делает, значит он профессионал, значит он крутой. Только собака тоже бежит за машиной и делает это с глубокой убежденностью в собственной правоте.

Но как только Дима возвращался домой он вспоминал, зачем он вообще всё это делает. Он просто не хотел садиться в тюрьму. Женя хотела одурачить его клятвами, но Дима очень четко понимал, что всё это делается только с целью манипуляции, эта безумная женщина, которая взяла его в, практически, рабство, не может хотеть для него ничего хорошего. Когда хотят хорошего, не заставляют насильно.

Мысли и надежды на то, что всё это закончится и закончится поскорее, Диму не покидали. Быть в неволе ему не нравилось, заниматься какой-то ерундой и менять работы было бессмысленной тратой времени, а еще более бессмысленным и глупым было то, что его собирались учить жизни, хотя он об этом никого не просил. Но делать было нечего.

Женя позвонила, сказала, чтобы Дима выходил. На улице стояла машина, черная, дорогая, в Машине уже сидела Женя.

- Сегодня у нас все круто.

Женя устроила их к одному очень богатому человеку, в помощники. Когда они вошли в огромный кабинет, богатый человек, не поднимая головы, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.